НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник студенческих работ

Восточная перспектива

Выпуск 4

Москва, 2019

УДК 082.1
ББК 94
К 68

Редколлегия:
Бакланова М.А., Виноградов А.О., Коростелева М.О.,
Новикова А.А. (ответственный секретарь), Худяков Д.А.,
Царегородцева И.А., Целуйко М.С., Чупрыгина Л.А.

К 68 **Сборник** студенческих работ «Восточная перспектива». Выпуск 4. — М.: ООО «Адвансед солюшнз», 2019. — 134 с.

ISBN 978-5-906722-87-4

В данном выпуске представлены статьи призеров и лауреатов V научной студенческой конференции «Восточная перспектива», которая состоялась в Москве на базе Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ 25—26 мая 2018 г. Статьи затрагивают широкий круг вопросов экономического, политического и культурного развития стран Азии.

УДК 082.1
ББК 94

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сборник студенческих работ

Выпуск 4

Компьютерная верстка *Е. Патрушева*

Формат 60×90/16. Заказ № 5819.

ООО «Адвансед солюшнз»
119071, г. Москва, Ленинский пр-т, 19, стр. 1

© Школа востоковедения
НИУ «Высшая школа экономики», 2019
© ООО «Адвансед солюшнз», 2019

ISBN 978-5-906722-87-4

Содержание

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Фролова Я. О. Diplomatic battle between People's Republic of China and Republic of China (Taiwan) in the Central American and Caribbean Region 4

Атаманчук А. Влияние стремительного расширения сети высокоскоростных железных дорог Китая на операционную деятельность авиакомпаний страны 12

Алексеева А. Н. Особенности подхода КНР к вопросам кибербезопасности 25

Бадгаева А. В. Влияние политики количественного смягчения на экономику Японии 39

Билоброва А. Е. Роль компании Nintendo в формировании национального бренда Японии 49

Отинов Д. А. Эволюция политического режима в современном Ираке 63

Крылова Д. Г. Изменения в проявлениях национальной идентичности в молодежной среде Республики Корея, как индикатор успешности национально-патриотического воспитания 81

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сунь Ичжи. К вопросу о преступности среди российских эмигрантов в Шанхае в 1917—1922 гг. 94

Буштедт Е. А. «Чжуан-цзы» как этап формирования философского рассуждения. 102

Кузнецова А. К. Пекинская опера через призму китайского кинематографа. 116

Бутурлин И. С. Вопросы классификации частей речи арабского языка в 1-й и 2-й главах грамматического трактата Сибавайхи Аль-Китаб («Книга») 125

Фролова Яна Олеговна,
2-й курс магистратуры, факультет Мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ
E-mail: yaofrolova@edu.hse.ru

Diplomatic battle between People's Republic of China and Republic of China (Taiwan) in the Central American and Caribbean Region

Abstract

Taiwan is recognized by 20 states and 10 of them located in Central America. In June 2017 Taiwan lost one of its reliable partners — Panama officially recognized PRC. This event marked a new step in the diplomatic battle between two states. The article will examine main aspects of Chinese-Taiwanese resistance in the region. The aim of the research is to compare the strategies and explain why Central American and Caribbean countries actively participate in this battle.

Keywords: *PRC, Taiwan, Central America, Caribbean, Diplomatic battle, recognition, check-book diplomacy.*

Taiwan and China exist separately for 69 years already. This is a long period of time which influenced on mentality and created certain stereotypes about each other. After Kuomintang landed on island and communists won in the Mainland the gap between two sides became bigger. Divided in two camps the country stuck in disputes because both sides have an absolutely different view on the Chinese future. Except the regional tension PRC and Taiwan spread their political game to the international level. The full scale diplomatic battle began more than 50 years ago and going on up till now.

When the resistance between two states only started Taiwan gained more support from the world audience than PRC did. In 1969 71 country supported ROC against 48 recognizing PRC. Till

1971 Taiwan was a representative of China in the United Nations and was recognized as the only one successor of Chinese civilization by the most powerful countries in the world. Who could have thought that for 50 years later the situation would change to the opposite. In 2017 only 20 states recognized Taiwan against 175 countries supporting PRC.

One may think that international recognition is not an essential factor for prosperity and normal life. For example a lot of western countries did not recognize USSR till 1970 and it did not influence much on the state. But when we take into consideration small states, recognition matters a lot. In their case status may become an instrument for manipulating and controlling them. For PRC recognition was preferable but not crucial, the same with USSR: a lot of countries did not recognize it for decades but for Taiwan it was very important. This importance can be explained by the fear of forced integration with China. If no one would recognize Taiwan, Mainland China may attempt to annex the island and there would be no public response and outcry, no one would protect it. But China cannot do it now because otherwise Taiwanese allies would make protests and raise attention to the issue. Thus the more allies ROC will have the better it will be for keeping independence. The similar logic is pushing PRC for gaining allies — the more supporters China would get the less countries could recognize Taiwan. And if there would be no countries to recognize the island, it will mean a huge victory for PRC.

Speaking about Central American and Caribbean region, Taiwan has a lot of supporters there. One may even say that this region supports it the most. But we may assume that slowly this situation will be changing. We may compare the region under discussion with Africa. Taiwan used to have some supporters there but now only 2 of them left: Burkina Faso and Swaziland. Answering the question why do African countries switched to PRC one may say that it has nothing to do with loyalty or wish to help — it is all about the money. Both PRC and Taiwan provide policy of so-called «checkbook» diplomacy. They provide a lot of financial help, credits and investment to those who will chose their «camp». Thus who gave more money wins. Of course it is understandable that Taiwan could not fight with PRC on equal terms — even their geographical size

are not comparable not to speak about human and natural resources. But still Taiwan did not give up and fight.

Small and poor countries benefit a lot from this battle. They can ask for money from both sides and just wait who will respond earlier. But the other question is such kind of allies reliable and loyal? The answer will come with African statistic. Political scientist from Western Kentucky University Timothy S. Rich wrote about the topic: Instability is apparent when seeing how many countries have switched recognition multiple times. The most extreme examples, Senegal and Central African Republic, have switched [recognition] five times since both originally forging diplomatic ties with the ROC in 1962. Ten other countries—Benin, Burkina Faso, Chad, the Gambia, Lesotho, Liberia, Nauru, Nicaragua, Niger, and St. Lucia—switched diplomatic recognition more than once, eight of them at least once in the last fifteen years[1]. Thus we see that recognition of these countries does not necessarily mean commitment. They are not interested in resolving the issue of two Chinas, they are not interested why this battle started — all they need financial bonuses for themselves.

Speaking about countries of Central America and the Caribbean, historically the only country supporting PRC in this region was Cuba. But slowly this situation changed and now half of the countries located there recognize Beijing. There are 10 states which support ROC. Those are Belize, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua, Dominican Republic, Haiti, Saint Kitts and Nevis, Saint Lucia and Saint Vincent and the Grenadines. Since the beginning of this century Costa Rica, Dominica and Panama have left this camp. We may even conclude that up till now in terms of quantity of states the situation in this diplomatic battle is equal to both sides. But are the positions are equal in terms of loyalty?

So far none of the countries recognizing Taiwan expressed clear wish to change sides. They receive regular aid and till now satisfied with that. With aid packages equaling a fifth of the Haitian government's annual budget, it should come as no surprise then when a Haitian cabinet minister stated that Taiwan does not «give us any reason to look after continental China»[2].

Speaking about Taiwanese help to its allies, one can call it enormous. Republic of China is trying hard to save the rest countries

in its camp. Taiwan made donations of electronic equipment, learn local staff and bring doctors. Best students from these countries receive grants for further education both in their homeland and in Taiwan.

The region is seismically active and suffers from earthquakes and hurricanes. Both Taiwan and China actively provide financial help to ruined areas. However the case with former president of El Salvador Francisco Flores who pocketed a big sum of money from this donation proves us that in condition of weak political institutions money not always reach the target.

Taiwanese help is provided through several channels both official and non-official. Official aid is provided by the Government, embassies, banks and funds. A big role in Taiwanese overseas issues plays International Cooperation and Development Fund. It annually finances hundreds of project in the Caribbean and Central American region. From its foundation in 1996 it finished more than 10 projects in every ally country in the region and is currently caring about 25 other projects. The spheres where ICDF provide assistance are varied but mostly they are connected with life-saving industries food production, water supply, electricity and infrastructure. A lot of projects aimed at development of agriculture. Taiwanese government tries to make a free space in the Taiwanese market for production from friendly countries; it tries to make these products competitive in the local and international markets and improve their quality.

Statistics on Chinese aid to those countries is misty and hard to obtain. A lot of sources contradict to each other. One of the most popular topics to discuss in this sphere are possible bribes, secret visits of officials to Beijing, domination of Chinese migrants and their business — mostly restaurants or food shops. Huge projects like Patuca 3 or Nicaragua Canal are widely covered by press but still contain a lot of mystery and uncertainties.

Analyzing Taiwanese support country by country one may say that Taiwan is an essential partner for these countries. However some of them could not be called 100% loyal to it. This was the case with Saint Lucia in 2007 when new elected authorities recognize PRC instead of ROC and the recent case with Panama who quickly escaped its foreign ally. The logical question there would be why some countries remain loyal to Taipei while others change

their support to Beijing? The answer is dictated by the country's interests. All countries under discussion are small states. Being a small state it is very important to make your policy well-thought and clear. We may suppose that in terms of short-term interests it is much more profitable to remain with Taipei. Both sides are paying money but Taiwan seems to be more generous than Mainland China. From this perspective bird in the hand is worth two in the bush. But from the long-term perspective supporting PRC is more beneficial. China is an extremely important actor of international relations who can support its allies in case of conflicts and protect their rights in the international arena. But here another problem may arise — Beijing will be very happy to meet a new ally at first but can forget about it later. So far there were no widely known cases of such tendentious and everyone who left Taiwan in favor of Beijing did not complain but there is no guarantee that such situation could not happen in future. Thus the most urgent question on the topic as a whole is «Who is likely to be the next country to establish diplomatic ties with Beijing?»

We may divide all 10 countries which remained loyal to Taipei in 3 categories: states which refuse Beijing and reaffirm their position recently, those who are loyal but were caught in some moves towards other side and those who still have diplomatic relations with Taiwan but their relations could not be called cloudless.

Table 1

Taiwanese diplomatic allies in Central America and Caribbean region on their possibility to change their position in favor of Beijing

Strong supporters of Taiwan	Haiti, Saint Vincent and the Grenadines, Saint Kitts and Nevis, Belize, Guatemala
Supporters of Taiwan which have already changed allies at least once or have some connections with PRC	El Salvador, Nicaragua, Saint Lucia
Supporters of Taiwan which may cut diplomatic ties with it in nearest future	Honduras, Dominican Republic

The first group namely Haiti, Saint Vincent and the Grenadines, Saint Kitts and Nevis, Guatemala and Belize did not show any signs

of wish to choose another ally neither in the past nor in present. All of them are happy with the things as they are.

Another group represents countries which are still loyal to Taipei but have committed some actions in the past and present which may question their loyalty. Those are El Salvador, Nicaragua and Saint Lucia. The last two countries have already «betrayed» Taipei in favor of Beijing: Nicaragua in 1985 and St. Lucia in 1997 which makes it possible that situation could repeat any moment.

The last group unites 2 countries: Honduras and Dominican Republic. The first country is a home for big Chinese projects Patuca 3 financed by Chinese banks and headed by Sinohydro. Rumors about Honduras joining Beijing in this diplomatic battle is being warn up by the visits of businessmen and officials from Honduras to PRC and vice-versa.

The case with Dominican Republic is similar to Honduras and the wish to change partners became clearer recent days. Concern about whether the Dominican Republic will sever formal diplomatic ties with Taiwan arose after Dominican Republic Foreign Minister Miguel Vargas published a photo of him shaking hands with his Chinese counterpart during the 2017 United Nations General Assembly[3]. Another fact that may point on possible redeployment is that when Taiwanese Foreign Minister Li Ta-Wei visited the state in July 2017 nether president nor Minister of Foreign Affairs of the Dominican Republic met with him. Famous Dominican politician fueled the problem: «I think we should thank Taiwan for the old friendly relationship, but the country cannot live while turning its back to the reality that the Taiwanese themselves have been admitting»[4].

Taiwan and China organized different bodies and committees to cooperate with their Central American and Caribbean friends. First state opened Taiwan External Trade Development council which regularly holds meetings and forums in Central America and Caribbean. Another body — Taiwan International Cooperation and Development Fund is in charge of more than 100 projects in this region. Under its framework Taiwan Youth Overseas Service, Taiwan ICDF Overseas Volunteers Program, Overseas Professional Mandarin Teaching Project and many other projects function. As for PRC, it actively participates in CELAC-China forum and initiates

other meetings such trade fairs, business meetings to encourage Chinese entrepreneurs to start business in the region.

One may see that both ROC and PRC provide their check-book diplomacy in a similar way and main tool there is money. But both rivals use them in a bit different way. Beijing targets more infrastructure, energy supply, mineral resources extraction. As for Taiwan, it focuses more on social welfare and agriculture. Both countries do not scorn to bribe locals and their intentions are very serious.

If we try to predict who will win this battle most would suggest that PRC will be a winner: most countries of Latin American region already support it, it has friendly relations with all world superpowers, it is powerful, influential, rich and generous with its allies. All of these factors made it hard to compete with this state. But Taiwan also has some advantages: it came to the region earlier; it provides huge economic help and asks little in return and some countries may simply fear Beijing would flood their market with cheap goods and ruin their economy if they recognize it. Thus both countries are attractive for the small developing states of this region and this battle is very profitable for them — the longer Taipei and Beijing fight, the more and more they give.

The fact that states of the region are not interested in resolving the question is understandable. But one may see no wish to stop the battle from ROC and PRC either. They don't do any sharp moves; sometimes try to act secretly. The aim of Beijing in this battle is slowly but persistently, one by one to remove countries from Taiwan. Taiwan in its turn perceives the goal to save as many allies as possible and gain new one. Taiwanese authorities must gather support from local politicians regardless their political course. It has been a problem for Taiwan in the past — new party comes to power and change its loyalty towards Beijing (St. Lucia case)

We may assume that in short-term perspective both sides of the conflict have equal positions. But in future Taiwan may lose some allies. We suppose this diplomatic battle would not be finished in recent 10—20 years because both sides are intended to fight till the end.

The question of dual recognition is also very relevant in discussions about diplomatic confrontation. PRC officials have a very precise

and clear answer for it which is «dual recognition is absolutely impossible». At first Taiwan also shared the same opinion but later it slowly and gradually shifted from it. Because in condition when allies turn against it (Panama 2017, Costa Rica 2007) which means that less countries recognize it as a representative of both Chinas, it will be much more easier to promote idea of two independent states. Judging by the strict Beijing refusal one may guess that double recognition would not be possible in the nearest future. PRC will never give a way to it.

The parity in the battle would not last long. Now it is already 10 against 10 and according to the last tendencies two other countries may join the other camp. All in all, any loss and win in this diplomatic battle would mean a lot for both parties. From the first glance both countries did not have much in return from it but it is not true. The whole battle is a matter of principle and extremely important for both players. The price of defeat is a loss of independence.

---

[1] Rich S. Timothy Status for Sale: Taiwan and the Competition for Diplomatic Recognition //Issues & Studies. December 2009. № 4. P170.

[2] Ibid 172.

[3] Teng Pei-ju Taiwan keeps an eye on relations with Dominican Republic: Foreign Minister//Taiwan News. 18.10.2017. URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3277311 (Accessed 16.03.2018).

[4] Dominican Republic politician urges diplomatic ties with China, not Taiwan//EFE. 14.06.2017. URL: https://www.efe.com/efe/english/world/dominican-republic-politician-urges-diplomatic-ties-with-china-not-taiwan/50000262-3296432 (Accessed 16.03.2018).

Атаманчук Анастасия,
4-й курс КЭ-43 НИУ ВШЭ МЭиМП,
Школа Востоковедения
E-mail: Nastya-at96@mail.ru

Влияние стремительного расширения сети высокоскоростных железных дорог Китая на операционную деятельность авиакомпаний страны

Аннотация

Статья посвящена изучению конкуренции между высокоскоростными поездами и гражданской авиацией в Китае, а именно обосновывает исследовательскую гипотезу, которая заключается в том, что конкуренция со стороны высокоскоростных поездов на рынке Китая не только негативно отразилась на операционной деятельности авиакомпаний, но и дала толчок для улучшения качества услуг авиакомпаний и рассмотрения возможностей сотрудничества между двумя отраслями.

Ключевые слова: *гражданская авиация, высокоскоростные поезда, конкуренция, перспективы.*

В последние два десятилетия высокоскоростные магистрали стали символом технологического прогресса Китая, а также предметом национальной гордости, ведь на сегодняшний день сеть высокоскоростных магистралей КНР является самой крупной в мире и ее протяженность составляет 25 000 км на конец 2017 года, а это более 66,7% мировой сети[1].

На этом развитие сети высокоскоростных железных дорог не закончилось: в соответствии с планом Государственного комитета по развитию и реформе КНР к 2025 году предстоит покрыть железнодорожной сетью 175 000 км, включая 38 000 км высокоскоростных железных дорог, для того, чтобы

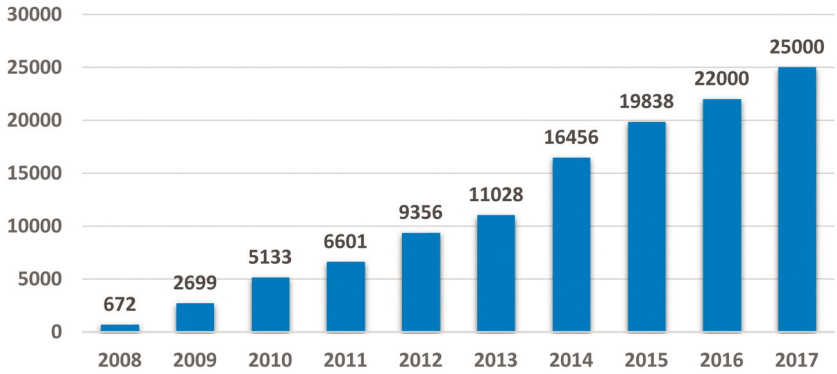


Рис. 1. Длина высокоскоростных железных дорог в Китае 2008—2016 гг.

Источник: China Statistical Yearbook 2016.

обеспечить сообщением крупнейшие города и промышленные центры страны[2].

Столь стремительное расширение сети высокоскоростных железных дорог не могло не сказаться на операционной деятельности китайских авиакомпаний. Высокоскоростные поезда стали вытеснять традиционных и бюджетных региональных авиаперевозчиков на рынке пассажирских транспортных перевозок на расстоянии свыше 1 тыс. км, в то время как традиционная дальность перевозок железнодорожным транспортом составляет 800 км[3]. Однако конкуренция со стороны высокоскоростных поездов на рынке Китая не только негативно отразилась на операционной деятельности авиакомпаний, но и дала толчок для улучшения качества услуг авиакомпаний и рассмотрения возможностей сотрудничества между двумя отраслями.

Китайские авиакомпании терпят убытки из-за высокоскоростных поездов

Стремительное развитие высокоскоростных железных дорог вынудило авиакомпании существенно снизить цены (на 12—78%) или даже приостановить выполнение рейсов по нерентабельным маршрутам, дублирующим высокоскоростные пассажирские линии. Рассмотрим следующие примеры.

Пример 1. С момента своего открытия в декабре 2009 года высокоскоростная железная дорога Ухань — Гуанчжоу (протяженностью 1068,6 км и скоростью поездов 350 км/ч) с отправлением поездов каждые несколько минут через город Чанша перевезла 20,6 млн пассажиров. В связи с этим количество рейсов между Чанша и Гуанчжоу было уменьшено с 11,5 до 3 рейсов в день. «Hainan Airlines» и «Shenzhen Airlines» решили уйти с этого рынка, оставив только 3 ежедневных рейса авиакомпании «China Southern Airlines». Цена на авиаперелет упала на 15%, а пассажиропоток — на 48%[4].

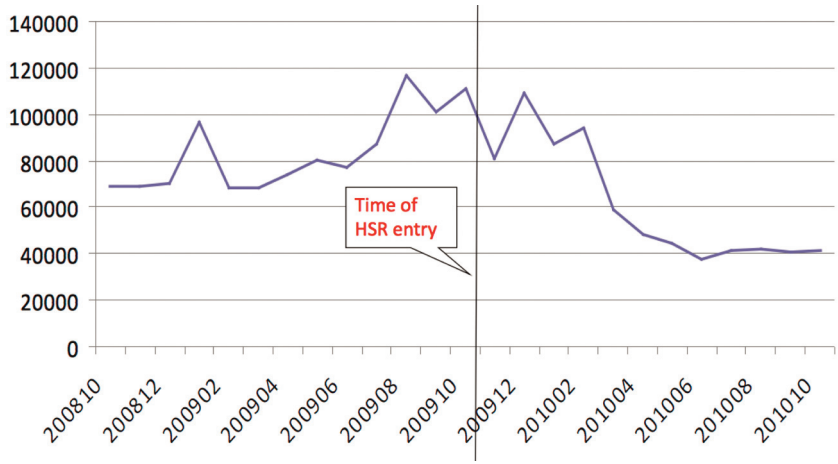
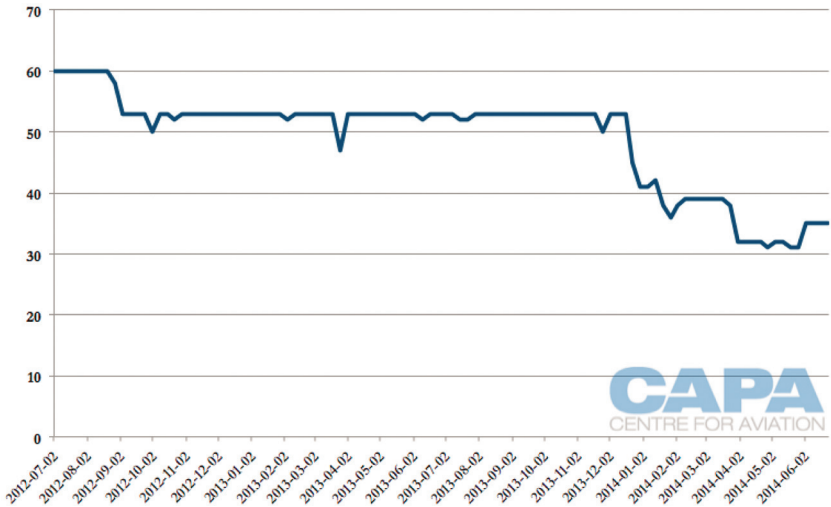


Рис. 2. Количество ежемесячных запланированных авиакомпаниями мест по маршруту Гуанчжоу — Чанша (707 км)

Источник: База данных OAG

Пример 2. В феврале 2010 года была открыта высокоскоростная железная дорога Чжэнчжоу — Сиань, которая уже в течение первого месяца эксплуатации перевезла около 100 000 человек, а заполняемость поездов превысила 80%. Уже спустя 45 дней авиарейсы по этому маршруту начали нести убытки, а затем были полностью прекращены[5]. Открытие высокоскоростной железной дороги сократило время в пути с 6 часов до менее 2 часов, в то время как полет занимал чуть более часа, а аэропорт в Сиане находится в часе езды от центра города.

Пример 3. В 2013 году была открыта высокоскоростная пассажирская линия Шэньчжэнь — Сямынь, которая сократила время в пути между двумя городами с 11 часов до 3 часов 50 минут. Сразу после этого рейсы между городами Шэньчжэнь и Сямынь были сокращены на одну треть, с 53 до 35 рейсов в неделю[6].



Еженедельные рейсы Шэньчжэнь — Сямынь с 02.07.2012 по 23.06.2014

Источник: Centre for aviation

В этом же году ведущим авиакомпаниям КНР пришлось значительно снизить цены на авиаперевозки. Например, «China Southern Airlines» объявила о скидках на билеты до 73%, «Air China» — о снижении цен на 57% по маршруту Пекин — Ухань[7].

Падение продолжилось и в 2017 году — в своих отчетах за первые два квартала 2017 года три главных государственных авиаперевозчика КНР отметили влияние со стороны высокоскоростных железных дорог на их деятельность. Чистая прибыль «Air China» и «China Southern Airlines» упала на 3,79% и 11,62% соответственно за рассматриваемый период[8].

Факторы, влияющие на выбор пассажиров

Можно выделить ряд факторов, благодаря которым пассажиры выбирают именно высокоскоростные поезда, а не самолеты.

1. Меньшая зависимость от метеоусловий

Осуществление полетов очень сильно зависит от метеоусловий: смог, сильный дождь, снегопад или туман сразу же приводят к задержкам или даже отменам рейсов. Например, июнь 2017 года в Китае был чрезвычайно дождливым, что повлияло на работу самых загруженных аэропортов Китая (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь). Пекинский международный аэропорт из-за 8 дней шторма был вынужден отменить 2300 рейсов, и было зафиксировано боле 3000 задержек рейсов[9]. Высокоскоростные поезда же не зависят от погодных условий и могут осуществлять свою деятельность без задержек или отмены рейсов.

2. Стоимость проезда и время, затраченное на проезд

Как уже было упомянуто выше, многим авиакомпаниям пришлось закрыть рейсы по маршрутам, дублирующим недавно открывшиеся высокоскоростные железнодорожные магистрали, или резко снизить цены на авиабилеты, так как цена на высокоскоростные поезда оказалась существенно меньше. Ниже приведена сравнительная таблица ценового диапазона, предлагаемого высокоскоростными поездами и авиакомпаниями, по наиболее востребованным маршрутам.

Таблица 1

Сравнение цены и времени в пути, предлагаемых высокоскоростными поездами и авиакомпаниями

Маршрут	Высокоскоростные поезда			Авиакомпании		
	Тип поезда	Время в пути	Цена	Название авиакомпании	Время в пути	Цена
Пекин — Шанхай	G5	4 часа 34 минуты	89$	«Air China»	2 часа 20 минут	97$

Окончание табл. 1

Маршрут	Высокоскоростные поезда			Авиакомпании		
	Тип поезда	Время в пути	Цена	Название авиакомпании	Время в пути	Цена
Шанхай — Ухань	D2207	5 часов 36 минут	42$	«China Southern»	2 часа 5 минут	65$
Сюйчжоу — Ланьчжоу	G1833	7 часов 14 минут	91$	«China Southern» + «Sichuan Airlines»	7 часов 25 минут	398$
Ухань — Гуанчжоу	G1101	4 часа 28 минут	75$	«China Eastern»	1 час 50 минут	95$
Пекин — Тяньцзинь	G4755	40 минут	9$	«Air China» + «Shandong Airlines»	7 часов 15 минут	230$
Нинбо — Ханчжоу	G1866	1 час 7 минут	11$	«China Southern»	5 часов 25 минут	262$
Нинбо — Шанхай	G1866	2 часа 19 минут	23$	«China Eastern»	55 минут	42$
Источник: Таблица была составлена на основании предложений, действительных на 01.05.2018, предлагаемых skyscanner.ru и travelchinaguide.com						

Стоит обратить внимание, что в таблице есть и маршруты, где разница во времени в пути между высокоскоростным поездом и авиаперелетом отличается на 2—3 часа, при этом нужно учитывать, что указанное время — это лишь фактическое время в пути, без учета дополнительного времени, необходимого на то, чтобы добраться до аэропорта, на прохождение регистрации в аэропорту, сдачу багажа, посадку и все те же самые действия, которые совершаются уже по прилету. Также цены на авиабилеты могут сильно возрастать в зависимости от близости даты покупки к дате вылета и от времени вылета, наличия или отсутствия прямого рейса. В то же время, цены на высокоскоростные поезда более стабильны — они одинаковы в течение дня вне зависимости от времени отправления поезда и изменяются незначительно по мере приближения даты отправления. Главным преиму-

ществом является то, что в течение 15 минут после прибытия на вокзал можно успеть купить билет и совершить посадку на поезд. В случае авиаперелета такое невозможно.

Однако нельзя полностью отрицать конкурентоспособность авиакомпаний. Все еще остается много маршрутов, где авиаперелет будет более выгодным и удобным, чем поездка на высокоскоростном поезде. Примером может служить маршрут Пекин — Гуанчжоу. Поездка на высокоскоростном поезде занимает 8 часов, при этом цена билета — 139$. А авиаперелет компанией «China Southern Airlines» занимает 3 часа 20 минут и стоит 119$. Расстояние между двумя городами составляет 1844 км. В данном случае нельзя однозначно сказать, какой из видов транспорта выберет пассажир, отталкиваясь только от таких факторов, как цена и время в пути.

3. Доступность

Главное удобство высокоскоростных поездов состоит в том, что станции отправления находятся либо в центре города, либо в пределах города, в то время как аэропорты располагаются примерно в 1—2 часах езды от города в зависимости от вида транспорта.

4. Пунктуальность

Все 7 аэропортов с наиболее долгими задержками, согласно мировому рейтингу, находятся в Китае, включая 3 главных международных хаба Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь. В 2017 году лишь 71,8% рейсов вылетели вовремя[10]. Высокоскоростные поезда, в свою очередь, показали высокий уровень пунктуальности — 98,8% отправлений и 95,4% прибытий были совершены вовремя[11].

5. Частота отправления

По маршруту Пекин — Шанхай в день ходит примерно 48 высокоскоростных поездов, при этом в среднем интервал их отправления от 5 до 35 минут. Примерно такой же интервал отправления и на других загруженных маршрутах. Соответственно, что касается авиаперелетов — в день может выполняться большое количество рейсов различными ави-

акомпаниями, как прямых, так и с пересадками, но высокоскоростные поезда все равно выигрывают по количеству совершаемых поездок в день и по минимальному интервалу между поездами.

6. Комфорт

Для многих пассажиров высокоскоростные поезда будут более комфортны, чем самолеты. Во-первых, высокоскоростные поезда избавляют от необходимости вводить ограничения на перемещения по салону (как, например, во время взлета и посадки) и на использование ремней безопасности. Во-вторых, многие высокоскоростные поезда предлагают услуги вагона-ресторана и беспроводной интернет, а также есть возможность пользоваться персональным компьютером и мобильным телефоном и заряжать их.

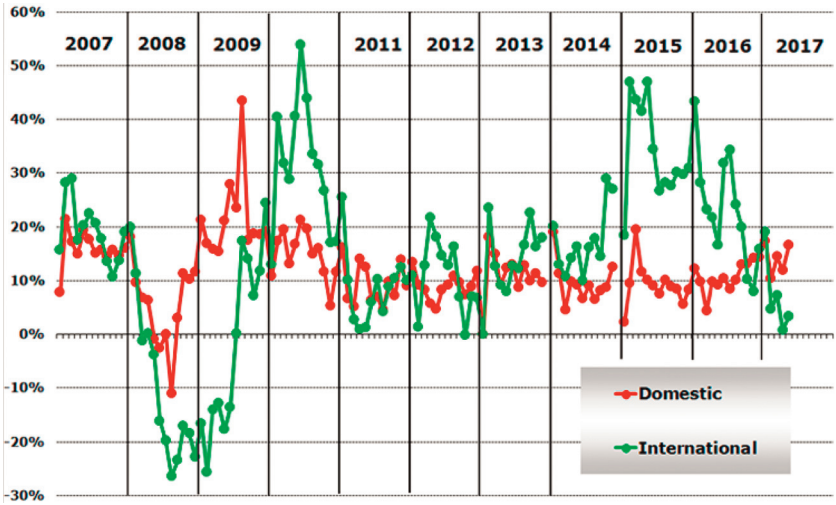
Китайские авиакомпании применяют новые стратегии в конкурентной борьбе с высокоскоростными поездами

Несмотря на то что высокоскоростные поезда забрали около 30% внутреннего рынка авиакомпаний, это стимулировало авиакомпании более активно осваивать международный рынок: международный рынок китайских авиаперевозчиков вырос с 20 млн пассажиров в 2010 году до 50 млн в 2017 году[12].

Например, «Air China» увеличила долю зарубежных полетов с 2013 по 2017 год с 42% до 51%. Также к концу 2016 года Китай подписал 120 двусторонних соглашений в области воздушного транспорта с другими странами и регионами, что, несомненно, является показателем новых приоритетов китайских авиакомпаний[13].

Также в рамках обострившейся конкуренции между двумя данными видами транспорта авиакомпании начали сотрудничать с региональными бюро высокоскоростных железных дорог путем предоставления клиентам комбинированных билетов на авиаперелет и стыковочный проезд высокоскоростным поездом.

Китайские авиакомпании переняли европейский опыт «Lufthansa» и «Air France», которые предложили комбинацию авиаперелет — высокоскоростной поезд. 5 мая 2012 года



Изменение пассажиропотока китайских авиакомпаний к предыдущему году с 2007 по 2017 г. на внутренних и международных маршрутах

Источник: Администрация гражданской авиации КНР

«China Eastern Airlines» и Шанхайское железнодорожное бюро объявило о предоставлении комбинированных услуг авиаперелет — высокоскоростной поезд, что стало первым подобным опытом для Китая. Данная услуга позволила пассажирам сделать пересадку с международного или внутреннего рейса на высокоскоростной поезд, используя один общий билет. Такая комбинация изначально могла варьироваться между четырьмя городами (Сучжоу, Уси, Чанчжоу и Нинбо) и двумя аэропортам (Шанхайским международным аэропортом Хунцяо и международным аэропортом Пудун), а затем расширилась и на такие соседние провинции, как Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой. При этом стоимость совместного билета составила примерно половину от общей стоимости авиабилета и билета на скоростной поезд[14].

Вслед за «China Eastern Airlines» «Hainan Airlines» запустила совместную программу с Железнодорожным бюро Юэхай, которое осуществляет высокоскоростное сообщение между

Хайкоу и Санья в провинции Хайнань. Пассажиры могут купить билеты на высокоскоростной поезд из Хайкоу в Санья, когда бронируют авиабилеты в Хайкоу авиакомпании «Hainan Airlines»[15].

Таким образом, данная система позволила авиакомпаниям увеличить долю рынка на международных маршрутах благодаря доступу к более широкой маршрутной сети, в то же время, защитила внутреннюю долю рынка от нарастающей конкуренции со стороны высокоскоростных поездов.

В перспективе конкуренцию высокоскоростным поездам могут составить бюджетные авиакомпании, при условии завершения реализации «Руководства по содействию развитию бюджетных авиакомпаний» 2014 года.

В Китае, в отличие от Европы и США, сегмент бюджетных авиаперевозчиков развит слабо. На сегодняшний день в КНР оперируют 6 бюджетных авиакомпаний, при этом лишь 2 авиакомпании полностью соответствуют бизнес-модели бюджетных авиаперевозчиков («Spring Airlines», «West Air»), а остальные либо совершили первые рейсы лишь в 2015 году, и их еще нельзя в полной мере оценить, либо находятся в процессе трансформации от традиционной к бюджетной модели авиаперевозчиков[16].

На сегодняшний день бюджетные авиакомпании сталкиваются со следующими проблемами:

— ограничение ежегодного прироста флота;

— отсутствие специальных терминалов для бюджетных авиакомпаний;

— нехватка пилотов;

— распределение хороших слотов только между ведущими авиакомпаниями;

— конкуренция со стороны зрелых азиатских бюджетных авиакомпаний;

— ограниченное признание клиентами;

— отсутствие опыта в управлении подобными авиакомпаниями.

В 2014 году Администрация гражданской авиации КНР опубликовала Руководство по содействию развитию бюджетных авиакомпаний, которое нацелено на решение существующих

проблем бюджетных авиакомпаний Китая. Следовательно, при успешной реализации данного руководства у бюджетных авиакомпаний есть большие шансы закрепиться на китайском рынке гражданской авиации.

Стоит отметить, что китайские традиционные авиакомпании работают на 30%-м невыгодном уровне по сравнению с бюджетными[17]. Следовательно, бюджетные авиакомпании за счет сокращения издержек могут предлагать более дешевые билеты не в убыток своей операционной деятельности, что дает возможность эффективно конкурировать с высокоскоростными поездами. Так как бюджетные авиакомпании сталкиваются в первую очередь с конкуренцией со стороны традиционных авиакомпаний, они также решили сотрудничать с высокоскоростными поездами. Например, «Spring Airlines», не имея достаточно слотов в Пекинском аэропорту, предложила пассажирам бесплатные билеты на высокоскоростной поезд до Шицзячжуана в 300 км от Пекина, где у авиакомпании лучшие слоты и больше маршрутов полёта[18]. Таким образом, авиакомпания решила проблему с нехваткой слотов в главных аэропортах страны из-за того, что они все заняты крупными традиционными авиакомпаниями, а также осуществила выгодное сотрудничество с высокоскоростными поездами, не потерпев убытков.

И высокоскоростные поезда, и гражданская авиация являются стратегически важными областями для Китая. Оба сектора вносят огромный вклад в развитие экономики, туризма и увеличения занятости в Китае. Более того, важной частью операционной деятельности авиакомпаний являются международный рынок и международные перелеты, которые освоены в меньшей степени, чем внутренний рынок. В свою очередь, когда мы говорим о высокоскоростных поездах, то имеем в виду национальную сеть. Поэтому при условии, что каждый из секторов будет осваивать свою нишу, а также стараться повысить свою эффективность и конкурентоспособность, гражданская авиация и высокоскоростные поезда смогут гармонично дополнять друг друга, а не только конкурировать.

[1] Facts and figures about China's railway development // Xinhua. 18.01.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-01/18/c_135021027.htm (дата обращения: 21.10.2018).

[2] Mid- to Long-Term Railway Network Plan (2016 Revision) // National Development and Reform Commission. URL: http://jtyss.ndrc.gov.cn/zcfg/201607/W020160720562818563123.pdf (дата обращения: 21.10.2018).

[3] China's high-speed railway changes civil aviation industry // China Daily. 10.09.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/ china/2017-09/10/content_31803809.htm (дата обращения: 21.10.2018).

[4] China's aviation industry to suffer billions in losses from high-speed rail // Centre for aviation. 15.04.2011. URL: https://centreforaviation.com/insights/analysis/chinas-aviation-industry-to-suffer-billions-in-losses-from-high-speed-rail-50007 (дата обращения: 21.10.2018).

[6] Airlines reduce flights from Shenzhen and Guangzhou to Xiamen after high-speed rail opens // Centre for aviation. 01.07.2014. URL: https://centreforaviation.com/insights/analysis/airlines-reduce-flights-from-shenzhen-and-guangzhou-to-xiamen-after-high-speed-rail-opens-174968 (дата обращения: 21.10.2018).

[7] Сазонов Сергей Леонидович, Чэнь Сяо. Транспортный комплекс КНР превратился в инструмент ускорения социально-экономического развития Китая // Общество и государство в Китае. 2017. № 22-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnyy-kompleks-knr-prevratilsya-v-instrument-uskoreniya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-kitaya (дата обращения: 21.10.2018).

[8] High-speed trains impacting China airline earnings // China Daily. 01.09.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-09/01/content_31400523.htm (дата обращения: 21.10.2018).

[9] Weather delays in June cause storms at airports // China Daily. 19.07.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-07/19/content_30164688.htm (дата обращения: 21.10.2018).

[10] Flight delays continue to soar at China's airports // Caixin. 20.07.2017. URL: https://www.caixinglobal.com/2017-07-20/101118773.html (дата обращения: 21.10.2018).

[11] China's bullet trains make five billion trips // China Daily. 01.08.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-08/01/content_26292785.htm (дата обращения: 21.10.2018).

[12] Chinese New Year air traffic a boon to airlines but reflects challenges of year-round sustainability // Centre for aviation. 02.02.2017. URL: https://centreforaviation.com/analysis/chinese-new-year-air-traffic-a-boon-to-airlines-but-reflects-challenges-of-year-round-sustainability-325573 (дата обращения: 21.10.2018).

[14] Chinese airlines start developing mutually beneficial solution through air-rail codeshare agreements // Centre for aviation. 23.05.2012. URL: https://centreforaviation.com/insights/analysis/chinese-airlines-start-developing-mutually-beneficial-solution-through-air-rail-code-share-agreements-74337 (дата обращения: 21.10.2018).

[13] Там же.

[15] Там же.

[16] Zhan Y. et al. How can Chinese low-cost carriers become successful and profitable: дис. — Massachusetts Institute of Technology, 2015. — С. 19.

[17] China's airlines: Flying higher // McKinsey. URL: http://www.mckinsey.com/industries/travel-transport-and-logistics/our-insights/chnas-airlines-flying-higher (дата обращения: 21.10.2018).

[18] China's budget airlines spread wings, add routes // Reuters. 06.12.2015. URL: http://www.reuters.com/article/us-china-airlines-low-cost-idUSKBN0TP0VR20151206 (дата обращения: 21.10.2018).

Алексеева Анастасия Николаевна
Национально-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербургский филиал, 2018
E-mail: anastasiialeks24@gmail.com

Особенности подхода КНР к вопросам кибербезопасности

Аннотация

В данной статье автор приходит к выводу, что в КНР, в отличие от других стран, термин кибербезопасность воспринимается иначе, чем на Западе, а сама страна находится на пути создания полноценной структуры обеспечения кибербезопасности и Интернет-контроля, где ведущую роль занимает КПК. Создание юридической базы киберпространства и разделение гражданских и военных структур позволяют эффективно обеспечивать безопасность в национальном киберпространстве.

Ключевые слова: *киберпространство, кибербезопасность, государственное регулирование, национальная безопасность, Китай.*

Последние несколько лет многие государства мира, включая КНР, занимаются разработкой собственной теоретической базы и политики в области кибербезопасности, которая учитывала бы их национальные интересы. Интерес Китая к киберпространству продиктован ориентированностью нынешнего китайского руководства на устойчивое развитие инновационных технологий в стране, сохранение суверенитета и построение общества средней зажиточности. В настоящее время в Китае стремительно развивается цифровая экономика, процветает сетевая культура, а Интернет становится новым пространством в жизни китайского общества и платформой социального управления.

Обеспечение сетевой безопасности видится правительству выгодным дополнением в вопросах реализации реформ и концепций «200 лет», «китайской мечты» и «4 основополагающих принципов» Си Цзиньпина. Важность обеспечения кибербезопасности в настоящее время для Китая является одной из ключевых задач еще и потому, что количество китайских интернет-пользователей в мировой сети в последнее десятилетие существенно увеличилось. В 37-м статистическом отчете за 2017 год более 96% населения имели свободный доступ к Интернету, а численность интернет-пользователей перевалила за 750 миллионов, из которых более 90% пользуются мобильными телефонами, а 639 миллионов пользователей ежедневно используют мировую сеть[1]. К концу 2016 года более 90 китайских интернет-компаний имели акции, которые котировались на международной и национальной биржах, суммарная рыночная стоимость которых превышала 5 трлн юаней[2].

Китайское законодательство и стратегии в рамках регулирования киберпространства

Национальная стратегия безопасности КНР в киберпространстве

27 декабря 2016 года малой ведущей группой по информатизации и кибербезопасности была одобрена Стратегия национальной кибербезопасности. В первую очередь стратегия дает определение киберпространству. Согласно ей, киберпространство — это виртуальное пространство общественной деятельности, созданное людьми, основанное на информационных технологиях, которое является новой областью, вошедшей в повседневную жизнь людей. Документ выделяет главные базовые аспекты интернет-пространства, которые нуждаются в развитии: новые каналы распространения информации, развитие сетевых технологий, расширяющих сферу коммуникаций, и усовершенствование платформ образования, предпринимательства, медицинского обслуживания, шопинга и финансовых операций. В документе отмечается,

что Интернет становится движущей силой инновационного развития, которая способствует трансформации и модернизации традиционных отраслей промышленности, содействует экономической реструктуризации и изменениям вектора экономического развития страны[3].

В национальной стратегии киберпространства китайская сторона впервые изложила свою позицию и понимание кибербезопасности, перспективы преобразования системы государственного управления сетевым пространством и возможности построения сообщества единой судьбы. Успешное управление киберпространством видится руководству Китая в комплексном соблюдении следующих правил: обеспечение справедливого распределения основных ресурсов Интернета, многостороннее управление серверами и различными объектами информационно-коммуникационной инфраструктуры, содействие развитию цифровой экономики и инвестирование в развитие сетевой культуры, осуществление международного сотрудничества в борьбе с кибертерроризмом и преступностью в сети, совместное строительство объектов мировой информационной инфраструктуры с другими странами.

Закон о кибербезопасности

7 ноября 2016 года Закон был принят на 24-м заседании Постоянного комитета ВСНП и имеет свою юридическую силу на территории КНР с 1 июня 2017 года. Закон состоит из 6 глав и дополнения, определяет обязанности электронных провайдеров, права пользователей китайского Интернета и юридические нормы деятельности в интернет-пространстве. Закон был принят в целях обеспечения кибербезопасности, обеспечения суверенитета киберпространства, национальной безопасности, общественных интересов, защиты законных прав и интересов граждан в системе киберпространства[4].

Закон о кибербезопасности является первым и основным законом КНР в рамках киберпространства. Новый закон позволяет эффективно бороться с незаконным использованием персональных данных и играет важную роль в борьбе с различными видами киберпреступлений с технической стороны обеспечения кибербезопасности. Он содержит определен-

ные требования к национальной кибербезопасности, подчеркивает важность сохранения национального суверенитета в киберпространстве, защиту частной жизни и информационной инфраструктуры, определяя обязательства соблюдения безопасности для всех участников, интегрированных в систему киберпространства.

Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве

Ключевым моментом в современном обеспечении китайской кибербезопасности является «Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве», выпущенная 1 марта 2017 года Министерством иностранных дел КНР и Государственной канцелярией интернет-информации КНР. В опубликованном документе прописывается позиция КНР по национальным и международным вопросам в киберпространстве, излагаются основные принципы, стратегические цели и ключевые действия по работе с другими странами. Стратегия предлагает китайский взгляд на решение общих проблем (кит. упр. 中国方案, пиньинь: zhōngguó fāng'àn) мирового населения в интернет-пространстве и подчеркивает, что разрешение этих проблем должно носить только мирный характер.

В стратегии международного сотрудничества выдвигается предложение «Мир, суверенитет, совместное управление и всеобщая выгода» (кит. упр. 和平, пиньинь: hépín, кит. упр. 主权, пиньинь: zhǔquán, кит. упр. 共治, пиньинь: gòngzhì, кит. упр. 普惠, пиньинь: pǔhuì), которое сегодня Китай активно продвигает на многосторонних переговорах и форумах в области международной безопасности в киберпространстве[5].

В стратегии отмечается, что для управления киберпространством необходимо участие всех стран мира. Си Цзиньпин всегда подчеркивал, что судьба киберпространства должна разделяться всеми странами мира. В качестве общего ресурса и богатства для всего человечества управление киберпространством должно быть разделено между всеми странами мира, а сотрудничество и развитие должны осуществляться в целях обеспечения устойчивого развития киберпространства[6].

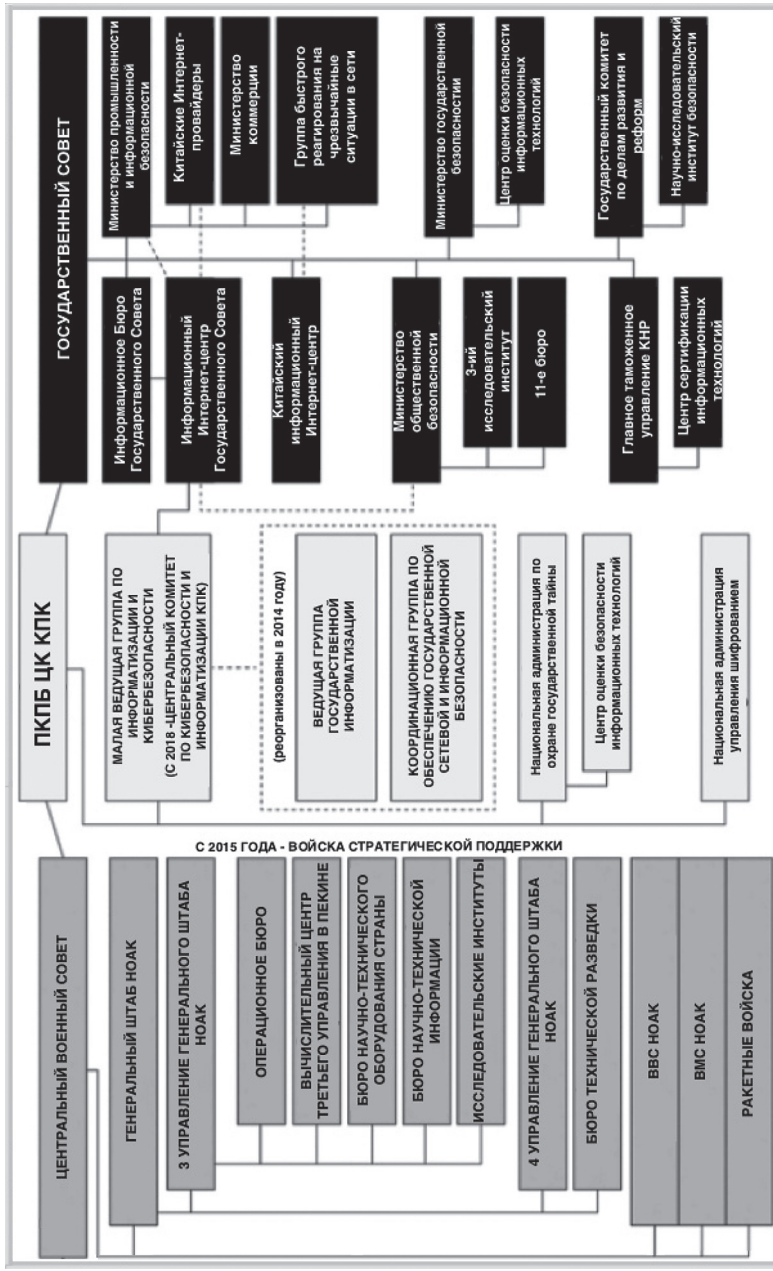
В настоящее время крупнейшие страны мира, динамично развивающие сферу информационно-коммуникационных технологий, такие как США, Россия, Япония, Южная Корея и Индия, создают необходимость коллективного и равноправного регулирования киберпространства. Гонка и гегемония в киберпространстве неблагоприятны для международной безопасности и устойчивого развития сети, поэтому в стратегии четко прописывается, что Китай выступает против милитаризации киберпространства и гегемонизма.

Система обеспечения кибербезопасности в Китае

В государственном аппарате Китайской Народной Республики существует более тридцати различных отделов и институтов, занимающихся вопросами обеспечения кибербезопасности и формирующих ее национальную стратегию.

На схеме (см. рисунок) изображены официальные органы, которые формируют политику кибербезопасности в Китае. Все институты можно условно разделить на две группы: «специализированные» и «всеобъемлющие»[7]. Всеобъемлющие отделы (линия КПК) играют ведущую роль в регулировании киберпространства, когда специализированные отделы (военная и правительственная линии) подотчетны линии партии и регулируют киберпространство исключительно в рамках конкретных отраслей и поставленных руководством задач.

Впервые о значимости информационной безопасности в XXI веке партийные лидеры начали говорить в 2001 году, когда была воссоздана[8] ведущая группа государственной информатизации (кит. упр. 国家信息化领导小组, пиньинь: Guójiā xìnxīhuà lǐngdǎo xiǎozǔ). Группа возглавлялась премьер-министром КНР Чжу Жунцзи (с 2003 года возглавлялась премьер-министром Вэнь Цзябао) и отвечала за обеспечение государственной информационной безопасности и общее развитие информационных технологий (信息化) в стране и национальных инфраструктур. Она также контролировала действия координационной группы по обеспечению государственной сетевой и информационной безопасности (кит. упр. 国家网络和信息安协调小组, пиньинь: Guójiā wǎngluò hé xìnxī ān xiétiáo xiǎozǔ), которая занималась конкретными вопросами


ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ
Министерство промышленности и информационной безопасности
Китайские Интернет-провайдеры
Министерство коммерции
Группа быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации в сети
Министерство государственной безопасности
Центр оценки безопасности информационных технологий
Государственный комитет по делам развития и реформ
Научно-исследовательский институт безопасности
Информационное Бюро Государственного Совета
Информационный Интернет-центр Государственного Совета
Китайский информационный Интернет-центр
Министерство общественной безопасности
3-ий исследовательский институт
11-е бюро
Главное таможенное управление КНР
Центр сертификации информационных технологий
ПКПБ ЦК КПК
МАЛАЯ ВЕДУЩАЯ ГРУППА ПО ИНФОРМАТИЗАЦИИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ
(С 2018 -ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ КПК)
(реорганизованы в 2014 году)
ВЕДУЩАЯ ГРУППА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КООРДИНАЦИОННАЯ ГРУППА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕТЕВОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Национальная администрация по охране государственной тайны
Центр оценки безопасности информационных технологий
Национальная администрация управления шифрованием
С 2015 ГОДА - ВОЙСКА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ НОАК
3 УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НОАК
ОПЕРАЦИОННОЕ БЮРО
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ТРЕТЬЕГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕКИНЕ
БЮРО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ СТРАНЫ
БЮРО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ
4 УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НОАК
БЮРО ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ
ВВС НОАК
ВМС НОАК
РАКЕТНЫЕ ВОЙСКА

политики безопасности в сети. Напрямую ответственной за реализацию политики ведущей группы государственной информатизации до 2014 года была Канцелярия Государственного совета по информатизации (кит. упр. 国务院信息化工作办公室, пиньинь: Guówùyuàn xīnxīhuà gōngzuò bàngōngshì).

В связи с усилением напряженности в международном киберпространстве и стремлением Си Цзиньпина ужесточить партийную дисциплину, вышеупомянутые подразделения были упразднены в 2014 году для создания центральной ведущей группы по кибербезопасности и информатизации (кит. упр. 网络安全和信息化领导小组, пиньинь: Wǎngluò ānquán hé xīnxīhuà lǐngdǎo xiǎozǔ).

В задачи этой группы входили вопросы по укреплению кибербезопасности Китая, защита государственного суверенитета в информационно-коммуникационной среде, разработка конкретных стратегий интернет-цензуры, управление онлайн-сервисами. Стоит отметить, что эта группа также занималась разработками стратегии уменьшения разрыва между жителями разных частей страны в доступе к информационно-коммуникационным технологиям.

В марте 2018 года на 1-й сессии Всекитайского съезда народных представителей был вынесен на рассмотрение масштабный план по реорганизации 26 министерств и комитетов в рамках документа «Усиление программы партии и государственной институциональной реформы» 3-го пленарного заседания 19-го Центрального комитета КПК. Согласно этому документу малая ведущая группа по кибербезопасности и информатизации была реформирована в Центральный комитет по кибербезопасности и информатизации КПК (кит. упр. 中国共产党中央网络安全和信息化委员会, пиньинь: Zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng wǎngluò ānquán hé xìnxīhuà wěiyuánhuì). В документе говорилось: «В рамках централизованного руководства Центрального Комитета партии для реализации государственных целей и целей партии необходимо укрепление процесса принятия решений и общей координации обязанностей. Необходимо всесторонне углублять реформирование малых ведущих групп, в частности малой ведущей группы по информатизации и кибербезопасности, поэтому

она должна быть преобразована в Центральный комитет по кибербезопасности и информатизации КПК»[9].

Центральный комитет по кибербезопасности и информатизации КПК выполняет те же функции, которые выполняла малая ведущая группа, а также совместно с Центральным комитетом по международным делам и Центральным финансовым и экономическим комитетом будет реализовывать и контролировать масштабные проекты в смежных для комитетов областях.

Стоит отметить, что, несмотря на ведущую роль Центрального комитета по кибербезопасности и информатизации КПК, регулирование контента и всей электронной индустрии, например, в большей степени является ответственностью Государственного управления по делам радиовещания, кинематографии и телевидения[10]. Управление ответственно за блокировку нежелательного контента в Интернете. Провайдеры Интернета обязаны устанавливать специальные фильтры для блокировки доступа к нежелательным ресурсам, зарубежным сайтам и информации политического характера.

Военные структуры, отвечающие за обеспечение кибербезопасности

В системе обеспечения национальной безопасности в киберпространстве военная линия играет важную роль. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) несет ответственность за техническую безопасность киберпространства в рамках военной электронной разведки, электронного вооружения и экономического шпионажа.

До ликвидации Генерального штаба НОАК, согласно закону от 31 декабря 2015 года, существовало два управления, ответственных за обеспечение технической безопасности киберпространства: Третье управление и Четвертое управление Генерального штаба[11].

Третье управление (Техническое управление и в/ч 61195) до сих пор является достаточно закрытой сложной структурой, отвечающей за прослушивание различных каналов связи и дешифрование, в то же время обеспечивая безопасность собственных закрытых каналов связи. Центральное командо-

вание Третьего управления Генерального штаба НОАК контролирует различные политические и логистические департаменты, бюро научно-технической информации (кит. упр. 科学技术情报局, пиньинь: kēxué jìshù qíngbàojú) и бюро научно-технического оборудования страны (кит. упр. 局科学技术设备, пиньинь: jú kēxué jìshùshèbèi). Примечательно, что бюро научно-технического оборудования контролирует деятельность ведущих технических исследовательских институтов и лабораторий Китая, отвечающих за развитие компьютерных технологий.

Важную роль в военной структуре кибербезопасности играют некоторые институты НОАК, занимающиеся разработками оборудования для выполнения основных задач Третьего и Четвертого управлений — технической безопасности киберпространства.

Стоит отметить, что на территории КНР при помощи Третьего управления также функционируют несколько важных органов: Национальный исследовательский центр инженерных технологий информационной безопасности в Шанхае (кит. упр. 国家信息安全工程技术研究中心, пиньинь: guójiā xìnxī ānquán gōngchéng jìshù yánjiū zhōngxīn), Информационная канцелярия НОАК (кит. упр. 通信机要局, пиньинь: tōngxìn jīyàojú), Северный вычислительный центр (кит. упр. 北方计算中心, пиньинь: běifāng jìsuàn zhōngxīn), вычислительный центр Третьего управления в Пекине (кит. упр. 总参三部计算中心, пиньинь: zǒngcān sānbù jìsuàn zhōngxīn) и центр оценки информационной безопасности и сертификации НОАК (кит. упр. 解放军信息安全测评正中心, пиньинь: jiěfàngjūn xìnxī ānquán cèpíngzhēng zhōngxīn).

Четвертое управление Генерального штаба НОАК — это департамент радиоэлектронных контрмер. Оно отвечает за электронные атаки, защиту и принимает меры электронной поддержки. Это единственная организация в структуре НОАК, которая несет ответственность за одно конкретное направление работы. Миссия Четвертого управления заключается в технической и операционной разведках, атаках на компьютерные устройства и сети, стратегические миссии по взаимодействию с заграничными электронным системами, спутниковое глушение.

Однако 31 декабря 2015 года правительство КНР объявило о предстоящих военных реформах в стране, которые изменили всю систему предыдущих институтов НОАК. Такая идея планировалась с целью ухода от советской структуры и развития современной и обновленной военной структуры, которая будет способна показывать хорошие результаты.

Во время реформирования Управление генерального штаба стало Управлением объединенного штаба, которое формирует Бюро разведки, частично выполняя обязанности бывшего Второго управления НОАК, но на сегодняшний день все еще неизвестно, до какой степени структура НОАК была реформирована. Доподлинно известно, что реформа ввела новый институт НОАК — «войска стратегической поддержки». Об их составе, структуре, миссии и численности практически ничего не известно, а в официальных выступлениях правительства этот институт практически не фигурирует. Вероятнее всего, после упразднения Третьего и Четвертого управлений Генерального штаба НОАК Войска стратегической поддержки переняли деятельность этих двух институтов: обеспечение космической разведки, навигация, спутниковая связь, радиоэлектронная борьба, ухудшение систем работы управления противника, защита аналогичных действий с другой стороны и все то, чем занимались Управления до упразднения[12].

Войска стратегической поддержки объединили многие институты и подразделения НОАК, их цели и задачи, а также начали заниматься вопросами информационного обеспечения политического и военного руководства страны.

Интернет-безопасность

В настоящее время есть три главных компании, которые открывают китайским пользователям доступ к сегменту мировой сети: China Telecom, China Unicom, China Mobile. Всего в Китае есть девять интернет-провайдеров, обеспечивающих связь Китая с мировой сетью. Весь контент китайского Интернета можно классифицировать следующим образом: научно-исследовательский сегмент China Science and Technology Network (собирает данные НИИ и устанавливает

связь между государственными научно-академическими учреждениями); образовательный сегмент China Education and Research Network (объединяет образовательные учреждения по всей стране, включая средние школы и университеты); коммерческие сети типа ChinaNet (предоставляют услуги государственным организациям и охватывюет более 50% сферы интернет-услуг).

Благодаря специализации сегмента китайского Интернета, власти Китая могут контролировать деятельность и отслеживать нежелательные действия пользователей в сети. На усиление цензуры в сети направлены огромные усилия, поэтому борьба с негативными последствиями от информации со стороны КПК только усиливается.

Главными органами в обеспечении контроля за Интернетом в Китае являются малая ведущая группа по информатизации и кибербезопасности, а также Министерство промышленности и информатизации. В прошлом десятилетии Министерство было создано с целью развития интернет-сегмента в Китае, распространения беспроводной связи, производства различных товаров и услуг, связанных с индустрией программного обеспечения[13]. Техническое функционирование Интернета и развитие ИКТ также является ответственностью этого Министерства.

За контент в сети и медиаиндустрию отвечает Государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения. Государственное управление может блокировать интернет-провайдерам доступ к ресурсам, содержащим нежелательный характер: порнография, насилие, азартные игры и т.д. Специальные фильтры, по указаниям управления, ставятся интернет-провайдерами за собственные средства и блокируют доступ к зарубежным источникам информации политического характера, а также блокируют определенные пользовательские запросы, содержащие в себе некоторые слова типа: Тайвань, Тибет, Тяньаньмэнь, диссидент и другие. Многие европейские и американские СМИ и некоторые сайты Университетов США подвержены цензуре[14].

Согласно Государственной стратегии развития информатизации до 2020 года, Интернет является дополнительным

способом эффективной работы, а не средством времяпрепровождения[15]. Интернет в понимании правительства КНР является средством, создающим дополнительные условия для гармоничного развития государства, а не развлечением.

Заключение

В последние годы правительство КНР стало уделять особое внимание обеспечению кибербезопасности. Система обеспечения национальной кибербезопасности КНР на сегодняшний день находится в переходном периоде создания полноценной инфраструктуры обеспечения кибербезопасности и интернет-контроля.

Китайское правительство активно занимается развитием законодательной базы в рамках киберпространства. За последние несколько лет правительством были опубликованы три важных документа: Национальная стратегия безопасности КНР в киберпространстве (2016), Новый закон о кибербезопасности (2017) и Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве (2017). В документах была впервые официально задокументирована позиция правительства КНР в вопросах национальной кибербезопасности, методов регулирования пространства и международного сотрудничества в нем.

В отличие от западных стран, в КНР иначе воспринимается термин «кибербезопасность». Кибербезопасность видится руководством страны не только как поддержание технической безопасности устройств (消息技术安全), но и как защита информационной инфраструктуры сети Интернет (互联网安全), разделяя тем самым деятельность в киберпространстве на два аспекта.

В системе обеспечения кибербезопасности есть четкое разделение гражданских и военных структур. Вопросами технического обеспечения безопасности в сети, киберслежением и перехватом различных каналов в сети занимается военная структура КНР, в то время как интернет-цензурой и нежелательной информацией в самой сети занимаются линии партии и правительства КНР. Отдельно стоит отметить, что КПК занимает ведущую роль в вопросах обеспечения

кибербезопасности. Центральный комитет по кибербезопасности и информатизации КПК, при помощи комитетов и министерств линии правительства, тщательно контролирует контент во всех сферах деятельности в Интернете. Стоит отметить, что военная линия, обеспечивающая техническую безопасность сети, также подотчетна Центральному комитету по кибербезопасности и информатизации КНР.

Китай также заинтересован в развитии мирового киберпространства. В международной стратегии правительство КНР предлагает разработать международную конвенцию о борьбе с терроризмом в киберпространстве и создать такие механизмы, которые были бы эффективны для сотрудничества правоохранительных органов различных стран с целью обмена информацией по вопросам кибербезопасности.

В заключение стоит подчеркнуть, что Китай пытается создать такую систему национальной кибербезопасности, которая бы опиралась на международный опыт и имела возможность интегрироваться в мировую систему кибербезопасности, но в то же время обладала самобытностью, соответствуя китайским реалиям, политической системе и особенностям развития КНР.

---

[1] 2017 Global Status Report on Chinese Phishing Website // China Internet Network Information Center. URL: http://www.cnnic.cn/gjymaqzx/aqzxtjbg/201212/P020121206595720456698.pdf (дата обращения: 12.01.2018).

[2] Ли Кэцян дуча минцзянь тоуцзы (李克强督查民间投资 Ли Кэцян контролирует частные инвестиции) Электронный ресурс URL: http://www.epochtimes.com/gb/16/5/20/n7915402.htm (дата обращения: 09.01.2018).

[3] Гоцзя ванло кунцзянь аньцюань чжаньлюэ цюаньвэнь (国家网络空间安全战略 全文 Полный текст стратегии национальной кибербезопасности) [Электронный ресурс] URL: http://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm (дата обращения: 10.01.2018).

[4] Чжунхуа жэньминь гунхэго ванло анцюань фа (中华人民共和国网络安全法 Закон Китайской Народной Республики о

кибербезопасности) [Электронный ресурс] URL: http://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 18.01.2018).

[5] Чэнь Сыминь. Си Цзиньпин юй хуляньван дахуэй (陈思敏：习近平与互联网大会 Си Цзиньпин принял участие во Всемирной конференции по управлению Интернетом) [Электронный ресурс] URL: http://www.epochtimes.com/gb/16/11/14/n8491915.htm (дата обращения: 01.03.2018).

[6] Cybersecurity under Xi Jinping: a new model for broad control in China // Center for the Digital Future. 15.01.2018. URL: http://www.digitalcenter.org/columns/cybersecurity-under-xi/ (дата обращения: 02.03.2018).

[7] Wang P. Chinese Perception of Cybersecurity // Georgetown Journal of International Affairs. 2012. Pp. 37.

[8] Была сформирована в 1993 году по инициативе Центрального Комитета КПК и Государственного совета.

[9] Чжунгун чжунъян иньфа «Шэньхуа данхэгоцзя цзигоу гайгэ фанъань» (中共中央印发‘深化党和国家机构 改 革 方 素’ЦК КПК опубликовал план партийно-государственных структурных реформ) // http://politics.people.com.cn/n1/2018/0321/c1001-29881261.html (дата обращения: 03.05.2018).

[10] Gierow H. Cyber Security in China: New Political Leadership Focuses on Boosting National Security. MERICS China Monitor. 2014. N 20. P. 35.

[11] Lindsay J. China and Cybersecurity: espionage, strategy, and politics in the digital domain // Oxford University Press. 2015. Vol. 9, N 2. P. 191.

[12] Scheldon R., McReynolds J. Civil-military Integration and Cybersecurity // China and Cyberspace: Espionage, Strategy, and Politics in the Digital Domain. 2015. p. 17.

[13] Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности. // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1. С. 173.

[14] Там же. С. 178.

[15] Гоцзя синьсихуа фачжань чжаньлюэ ганъяо (国家信息化发展战略纲要 Основы стратегии развития государственной информатизации) [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/27/content_5095336.htm (дата обращения: 08.04.2018).

Бадгаева Алтана Владимировна
2-й курс бакалавриата факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
E-mail: altana-99@mail.ru

Влияние политики количественного смягчения на экономику Японии

Аннотация

Автором была предпринята попытка проанализировать влияние политики количественного смягчения на экономику Японии. По результатам регрессионного анализа данных за период с 2013 по 2018 год было выявлено, что покупка Банком Японии государственных облигаций снижает их доходность, а также опосредованно повышает инфляцию, что потенциально может оказать позитивное воздействие на экономику страны.

Ключевые слова: *нестандартная монетарная политика, количественное смягчение, экономика Японии, Абэномика.*

Введение

Традиционные инструменты монетарной политики направлены на изменение ставки процента, которая, в свою очередь, влияет на инвестиции, выпуск и занятость. Однако в ситуации так называемой ловушки ликвидности, когда краткосрочные ставки процента уже практически на нуле, дальнейшее их снижение невозможно. Именно поэтому центральные банки применяют нестандартные методы монетарной политики, среди которых наиболее известным является количественное смягчение. Политику количественного смягчения в разные годы проводили такие институты, как ФРС США, Банк Англии, Европейский центральный банк и Банк Японии.

Объектом настоящего исследования является политика количественного смягчения, предметом — влияние данного инструмента на экономику Японии.

Цель работы: проанализировать воздействие политики количественного смягчения на экономику Японии и сделать выводы о ее эффективности. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- Сделать краткий обзор зарубежных исследований по теме;
- Определить наличие корреляционной зависимости между рассматриваемыми показателями;
- Построить линейную регрессию;
- Сделать выводы о влиянии политики количественного смягчения на экономику страны.

Методологическую основу работы составляют комплексный анализ специализированной литературы, корреляционный анализ в программе SPSS Statistics, а также построение линейной регрессии в MS Excel.

Актуальность работы связана с тем, что с апреля 2013 года Банк Японии проводит политику количественного и качественного смягчения (QQE), а в начале марта 2018 года было вновь утверждено ее использование и сохранение краткосрочной ставки процента на уровне −0,1% наряду с покупкой государственных облигаций на сумму, растущую темпом около 80 триллионов йен в год[1].

Большинство работ на тему количественного смягчения посвящено США, однако Япония, будучи первой страной, использовавшей эту политику, также представляет академический интерес. В настоящее время не существует статей на данную тему на русском языке, в связи с чем автор надеется внести вклад в развитие исследований этой проблемы в русскоязычном академическом сообществе.

Обзор литературы

Впервые политика количественного смягчения в Японии была использована в начале 2000-х. Основные операции Банка Японии и их влияние на кривую доходности описаны в статье «Policy commitment and expectation formation:

Japan's experience under zero interest rates». Ее авторы приходят к выводу, что политика способствовала укреплению финансовой системы (за счет стабилизации рыночных ожиданий в отношении краткосрочных процентных ставок и снижения долгосрочных), но не смогла побороть дефляцию[2].

В журнале «Federal Reserve Bank of St. Louis Review» за I квартал 2013 года была опубликована статья, описывающая особенности политики количественного смягчения после кризиса 2008 года в США, Великобритании, Японии и ЕС. В работе описывается базовый механизм политики, а также приводятся конкретные меры, принятые тем или иным Центральным банком. Сразу после кризиса Банк Японии проводил количественное смягчение не через покупку ценных бумаг, а через предоставление кредитов банковскому сектору с целью его поддержки; позже Банк покупал долгосрочные активы, чтобы снизить их процентные ставки и таким образом простимулировать экономику[3].

Воздействие политики количественного смягчения на финансовые рынки Великобритании после кризиса было подробно описано в статье «The Financial Market Impact of Quantitative Easing in the United Kingdom». Ее авторы, проанализировав реакцию рыночных цен, пришли к выводу, что крупные закупки активов (в основном государственных) способствуют снижению доходностей средне- и долгосрочных ценных бумаг, в то время как определение эффекта на другие активы затруднено[4]. В связи с этим в данной работе будет оцениваться воздействие политики на доходность именно долгосрочных активов.

Более современный этап, т.е. политика QQE, и ее влияние на экономику рассматриваются в статье «Effects of the Bank of Japan's current quantitative and qualitative easing». Ее авторы с помощью авторегрессионной модели с марковскими переключениями показали, что количественное смягчение через покупку долгосрочных государственных облигаций снижает их доходность и повышает инфляцию, что потенциально может привести к росту экономической активности в стране при условии сохранения политики[5].

Данные

Временной период, рассматриваемый в данной работе, — с апреля 2013 года, когда была провозглашена политика QQE, по январь 2018 года. Выборка была составлена на основе ежемесячных данных на начало месяца, общее число наблюдений равно 57. В работе исследуется зависимость между активами Банка Японии и доходностью долгосрочных государственных облигаций с особым фокусом на десятилетних облигациях (см. рис. 1). В качестве независимой переменной была взята стоимость закупок государственных облигаций Банком Японии. Зависимые переменные — доходности государственных облигаций с фокусом на десятилетних облигациях. Также рассматривается влияние покупки облигаций на индекс потребительских цен, так как конечной целью политики количественного смягчения в Японии является именно преодоление дефляции, которая представляет проблему для экономики страны еще с 90-х годов.

Покупки государственных облигаций Банком Японии и доходность 10-летних государственных облигаций с апреля 2013 по декабрь 2017 года

Источники: Bank of Japan. URL: http://www.stat-search.boj.or.jp/index_en.html; International Monetary Fund. URL: https://fred.stlouisfed.org/series/IRLTLT01JPM156N.

Корреляционный анализ

Коэффициент корреляции Пирсона между покупкой облигаций Банком и доходностями государственных облигаций в среднем составляет −0,868 и, естественно, является значимым на уровне 0,05. Так как значение по модулю близко к единице, то можно говорить об очень высокой корреляции; знак «минус» показывает, что увеличение (уменьшение) одной переменной ведет к росту (снижению) другой.

Если говорить о корреляции между покупками облигаций и индексом потребительских цен, то ее значение составляет 0,749 и также является значимым на уровне 0,05. Корреляция является высокой, а положительное значение говорит о прямой зависимости. Так как корреляционный анализ отражает только взаимосвязь между переменными, но не причинно-следственную связь, необходимо проанализировать данные с помощью линейной регрессии.

Линейная регрессия

Рассмотрим взаимосвязь между покупками государственных облигаций Банком Японии и доходностью 10-летних облигаций. Независимая переменная (X) — покупки облигаций, зависимая переменная (Y) — доходность.

Среднее значение R-квадрат (коэффициент детерминации) составляет 0,753: это означает, что 75,3% дисперсии зависимой переменной Y объясняется влиянием включенного в модель фактора X, значит, зависимость можно назвать высокой. Следует отметить, что вариация коэффициента R-квадрат невелика, то есть доходность облигаций вне зависимости от срока погашения по большей части определяется закупками Банка Японии. Коэффициенты b1, отражающие то, насколько изменится зависимая переменная при изменении независимой, наоборот, увеличиваются с ростом срока погашения. Это вполне логично, так как целью политики является воздействие именно на долго-

срочные доходности. F- и P-значения меньше 0,05, поэтому результаты являются статистически значимыми. Также с помощью регрессионного анализа было выведено уравнение для 10-летних облигаций:

$$y = -0{,}0026x + 0{,}9507,$$

с помощью которого можно попытаться спрогнозировать воздействие покупок облигаций на их доходность. Графическая иллюстрация результатов регрессионного анализа представлена на рис. 2. Подробные результаты регрессионного анализа приведены в табл. 1 приложения.

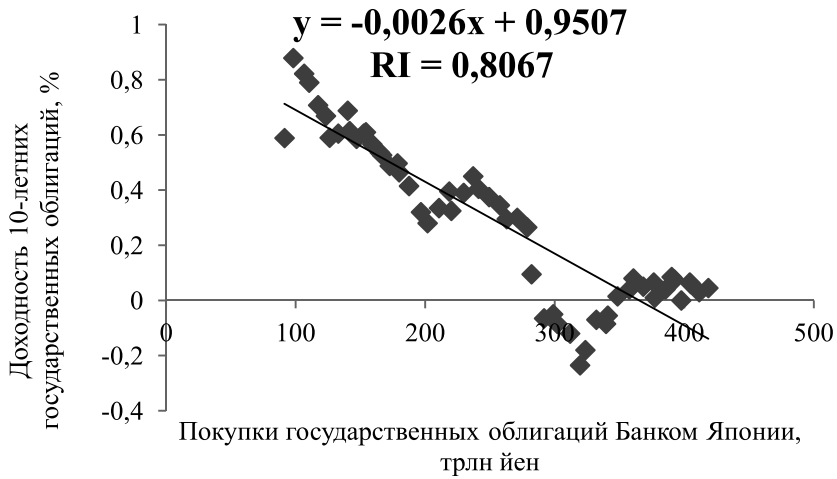


Рис. 2. Поле корреляции и линейная зависимость доходности 10-летних государственных облигаций от покупок облигаций Банком Японии

Источники: Bank of Japan. URL: http://www.stat-search.boj.or.jp/index_en.html; International Monetary Fund. URL: https://fred.stlouisfed.org/series/IRLTLT01JPM156N, расчеты автора

Что касается зависимости между покупками облигаций и индексом потребительских цен, то в данном случае R-квадрат равен 0,5614: 56,14% дисперсии зависимого признака объяс-

няется факторами из модели. Так как коэффициент детерминации больше 0,5, то модель можно считать приемлемой. Однако это значение невелико, потому что покупка облигаций Банком влияет на индекс цен косвенно, в отличие от доходности, на которую та оказывает непосредственное воздействие.

С помощью регрессионного анализа было выведено линейное уравнение

$$y = 0{,}0104x + 100{,}32.$$

Его можно использовать при прогнозировании того, какое влияние окажет изменение закупок государственных облигаций Банком на индекс цен.

Графически регрессия отображена на рис. 3. Подробные результаты регрессионного анализа приведены в табл. 2 приложения.

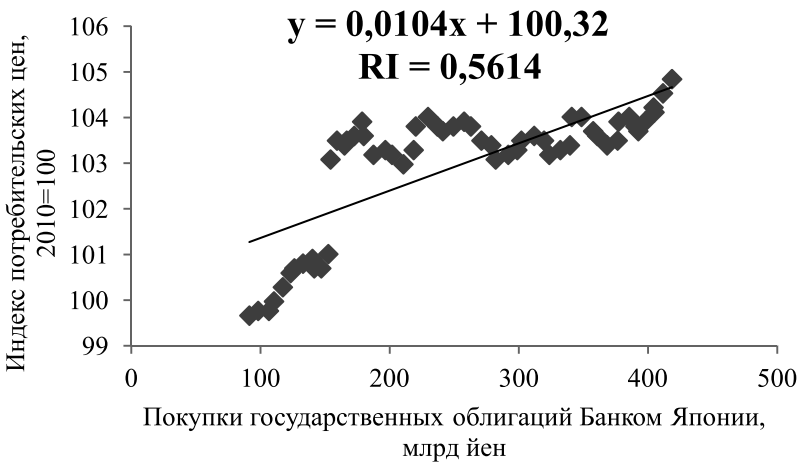


Рис. 3. Поле корреляции и линейная зависимость индекса потребительских цен от покупок государственных облигаций Банком Японии

Источники: Bank of Japan. URL: http://www.stat-search.boj.or.jp/index_en.html, Organization for Economic Co-operation and Development. URL: https://fred.stlouisfed.org/series/JPNCPIALLMINMEI, расчеты автора

Выводы

Рассмотренные выше модели являются линейными, поэтому, безусловно, не могут полностью отражать реальной ситуации в экономике. Модель можно расширить, например, рассмотрев в качестве зависимых переменных доходности других активов (государственных облигаций другого срока, казначейских векселей и т.д.). Также можно использовать другие переменные в качестве независимых, так как около 20% вариации доходности не было объяснено фактором, включенным в модель.

Итак, анализ статистической информации показал, что существует четкая обратная зависимость доходности 10-летних облигаций от покупок государственных облигаций Банком Японии: увеличение объемов покупок оказывает понижательное давление на доходность. Операции Банка несколько повышают инфляцию, но в меньшей степени ввиду опосредованного характера зависимости. В целом выводы анализа согласуются с более ранними исследованиями. Таким образом, использование политики количественного смягчения (а именно — покупка долгосрочных государственных ценных бумаг Центральным банком) в период с 2013 по 2018 гг. было оправданно, так как снизило доходность активов и повысило инфляцию, что и было ее целью. Потенциально политика окажет благотворное воздействие на экономику страны благодаря перемещению ресурсов в реальный сектор.

Приложение

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа:
X — покупки государственных облигаций Банком Японии,
Y — доходность 10-летних государственных облигаций

Регрессионная статистика

Множественный R	0,8982
R-квадрат	0,8067
Нормированный R-квадрат	0,8032
Стандартная ошибка	0,1290
Наблюдения	57

Дисперсионный анализ

	df	*SS*	*MS*	*F*	Значимость *F*
Регрессия	1	3,8198	3,8198	229,5860	0,0000
Остаток	55	0,9151	0,0166		
Итого	56	4,7348			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%
Y-пересечение	0,9507	0,0468	20,3047	0,0000	0,8568	1,0445	0,8568
Переменная X1	−0,0026	0,0002	−15,1521	0,0000	−0,0029	−0,0023	−0,0029
Источник: расчеты автора.							

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа: X — покупки государственных облигаций Банком Японии, Y — индекс потребительских цен

Регрессионная статистика

Множественный R	0,7493
R-квадрат	0,5614
Нормированный R-квадрат	0,5534
Стандартная ошибка	0,9279
Наблюдения	57

Дисперсионный анализ

	df	*SS*	*MS*	*F*	Значимость *F*
Регрессия	1	60,6180	60,6180	70,4024	0,0000
Остаток	55	47,3562	0,8610		
Итого	56	107,9742			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%
Y-пересечение	100,3237	0,3368	297,8628	0,0000	99,6487	100,9987	99,6487
Переменная X1	0,0104	0,0012	8,3906	0,0000	0,0079	0,0128	0,0079
Источник: расчеты автора.							

[1] Statement on monetary policy // Bank of Japan. 13.03.2018. URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/release_2018/k180309a.pdf (дата обращения 13.03.2018).

[2] Okina, K., Shiratsuka, S. Policy commitment and expectation formation: Japan's experience under zero interest rates // The North American Journal of Economics and Finance. 2004. Vol. 15. № 1, pp. 76, 98—99).

[3] Fawley B. W. et al. Four stories of quantitative easing // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2013. Vol. 95. № 1, pp. 71, 76.

[4] Joyce, M., Lasaosa, A., Stevens, I., Tong, M. The financial market impact of quantitative easing in the United Kingdom // International Journal of Central Banking. 2011. Vol. 7. № 3, pp. 155.

[5] Matsuki, T., Sugimoto, K., Satoma, K. Effects of the Bank of Japan's current quantitative and qualitative easing // Economics Letters. 2011. Vol. 133, pp. 115.

Билоброва Александра Евгеньевна
1-й курс магистратуры кафедры востоковедения,
Уральский Федеральный Университет
имени первого президента Б. Н. Ельцина
E-mail: surugako@mail.ru

Роль компании Nintendo в формировании национального бренда Японии

Аннотация

В работе рассматривается деятельность компании Nintendo и ее вклад в продвижение японского национального бренда на международном рынке. В рамках проведенного анализа японских и англоязычных СМИ была дана оценка ключевых франшиз компании, таких как Poketon и Super Mario, а также корпоративной политики компании, и ее месту в развлекательной индустрии Японии. В качестве основного критерия был взят брендинговый подход Саймона Анхольта.

Ключевые слова: *национальный бренд, видеоигры, Япония, Nintendo.*

Национальный брендинг — это новая дисциплина и очень сложное явление. Как междисциплинарное явление, национальный брендинг включает в себя маркетинг, государственную политику, международные отношения, торговлю и туризм, психологию и т.д. Брендинг государства направлен на измерение, построение и управление репутацией стран. Подобный инструмент призван не только улучшать имидж страны, но и создать конкурентные преимущества на мировом рынке. Поэтому все больше стран пытаются использовать национальные брендинговые технологии с целью улучшения имиджа и репутации. Национальный бренд работает не только на внешнюю аудиторию, но также объединяет граждан

вокруг общей идеи, позволяет чувствовать принадлежность к чему-то «своему».

Первым исследователем в области национального брендинга стал Саймон Анхольт, основатель и директор журнала, специализирующего на национальном брендинге и брендинге мест. Ежегодно проводимое исследование Anholt-GfK Roper Nation Brands Index направлено на выявление динамики в развитии национальных брендов разных стран. В рамках данного брендингового подхода используются следующие критерии.

1. Экспорт: определяется сложившееся представление о товарах и услугах из каждой страны.

2. Власть: измеряется отношение потребителей к правительству той или иной страны, законности и справедливости властей и т.д.

3. Культура: оценивается уровень восприятия национальной культуры и вклад каждой нации в современную мировую культуру.

4. Люди: оценивается общественное мнение касательно репутации населения в области образования, уровня квалификации рабочей силы, а также открытости, дружелюбия и других качеств, таких как терпимость.

5. Туризм: определяется уровень заинтересованности туристов в посещении страны, а также привлекательность природных и культурных достопримечательностей.

6. Инвестиции и иммиграция: оценивается привлекательность страны для проживания, ведения бизнеса, а также инвестиций, т.е. восприятие социально-экономической ситуации[1].

Важную роль играет эффект страны происхождения (country-of-origin effect), описывающий явление, при котором принятие решений покупателями зависит от маркировки страны — производителя продукции. Другими словами, потребители оценивают продукт на основе своего личного отношения к той или иной стране, стереотипов, ассоциаций или опыта работы с продуктами из этой страны. Страна происхождения может повлиять на восприятие потребителей даже на подсознательном уровне.

Так, для людей по всему миру швейцарские часы, итальянская мода, чешское пиво, французская кухня и немецкие

автомобили остаются символом и критерием для оценки национальных брендов других стран. Ассоциации варьируются в зависимости от страны и региона. Говоря о позиции Японии в данном рейтинге, следует отметить наметившийся в последние годы рост нематериальных активов. Переместившись с 7-го на 4-е место в период 2016—2017 гг. (наибольший рост с 2008 г.), японский национальный бренд, согласно исследованию, укрепил свои позиции относительно экспортной составляющей[2].

Помимо результатов исследований Anholt-GfK Roper Nation Brands Index, следует упомянуть также рейтинг независимой компании Brand Finance. В рамках анализа по системе Brand Finance рейтинг бренда рассчитывается путем сопоставления силы, рисков и потенциала бренда в сравнении с его конкурентами. Данные, используемые для расчета рейтингов, поступают из различных источников, включая Bloomberg, а также ежегодные отчеты, исследования и внутренние исследования Brand Finance[3].

В 2014—2015 гг. Япония стала лучшим национальным брендом, обогнав Швейцарию. Индекс говорит, что респонденты ассоциируют Японию в основном с передовыми технологиями, здравоохранением и образованием, искусством, культурой и хорошей инфраструктурой. Респонденты также отметили постоянный прогресс в развитии Японии на общем фоне. Наиболее успешными и сопутствующими в развитии брендами стали Toshiba, Toyota, Honda, Nintendo, Sony и Panasonic[4].

Согласно отчетам за 2016 и 2017 гг., за год Nintendo переместилась с 46-го места на 30-е в рейтинге наиболее востребованных японских брендов. В мировом рейтинге «500 наиболее востребованных брендов» за 2018 г. Nintendo переместилась на 211-е место по сравнению с 2017 г., где компания занимала лишь 349-е место[5]. Подобные изменения связаны с обновлением не только линейки аппаратного обеспечения (выход Nintendo Switch в 2017 г.), но и с обновлением программного обеспечения, выходом таких знаковых проектов, как The Legend of Zelda: Breath of the Wild, The Mario Odyssey, Pokemon GO.

Именно эти франшизы Nintendo предопределили успех компании, который позволил ей не только выйти на мировой рынок, но и стать лицом японской популярной культуры. На основе критериев брендингового подхода Саймона Анхольта был проведен анализ деятельности компании, ее динамики, а также дана оценка вклада Nintendo в национальный бренд Японии.

Экспорт

Nintendo является не только владельцем целого ряда успешных франшиз, разработчиком игр, но в первую очередь производителем программного обеспечения. Первый успех компании в качестве производителя программного обеспечения пришелся на 1980-е гг., когда игровая индустрия пережила свой первый кризис перенасыщения, вызванный так называемым «шоком Атари». Несмотря на нестабильность рынка, главной причиной которого является постоянное технологическое совершенствование (в том числе развитие Интернета) и снижение продаж как самих консолей, так и игр, нельзя говорить об окончании эпохи домашних консолей[6].

На сегодняшний день наиболее значимыми представителями японской игровой индустрии и, в том числе, разработчиками аппаратного обеспечения остаются Sony и Nintendo. В отличие от Sony, которая сохраняет ориентацию на международный рынок, Nintendo продолжает удерживать значительную часть рынка в самой Японии[7]. Продолжая выпускать игры исключительно на консоли собственного производства, в сознании потребителя остается четкая ассоциация между определенной игрой и платформой. Постоянное использование одних и тех же персонажей (брендов) способствует как привлечению новой аудитории, так и сохранению старой.

Помимо аппаратного обеспечения, разработка и продвижение игр остается приоритетным направлением для Nintendo. Из простых игр эти франшизы переросли в международный бизнес, на продукции которого выросло уже не одно поколение.

В апреле 2016 г. компания Dentsuho провела опрос, участие в котором приняли граждане 20 стран, в том числе и России. Целью опроса было формирование представления об

отношении зарубежного потребителя к «японскому бренду», а именно узнаваемость и положительное отношение к персонажам и развлекательному контенту Японии.

Среди наиболее узнаваемых брендов Pokemon занял 1-е место, однако в подразделе «любимый персонаж» уступил манге «Дораэмон», заняв 2-е место. Опрос был проведен до выпуска Pokemon GO, который значительно изменил результаты всех последующих исследований и статистических данных. Если рассматривать показатели по регионам, то, согласно данному опросу, наибольшую популярность карманные монстры имеют не только в Азии, но и в странах Европы и Северной Америки. В сравнении с другими брендами, упомянутыми в ходе опроса, показатель в 70,7% и 72,3% является наивысшим среди стран Запада[8].

Популярность Pokemon не ослабевает и внутри Японии. В ежегодном конкурсе Japan Character Award, проводимом Character Brand Licensing Association, в 2017 г. гран-при конкурса был присужден бренду Pokemon. Эта награда присуждается наиболее востребованным и преобладающим на рынке брендам и персонажам, т.е. символам Японии в том или ином году[9].

Основываясь на этих данных, можно сделать вывод о том, что бренд Pokemon является наиболее узнаваемым брендом японской контент-индустрии. За 22 года существования продажи Pokemon достигли 210 млн копий, или 300 млн, включая побочные продукты (аниме, игрушки и т.д.). Только совокупные продажи игр по вселенной Mario с 310 млн копий игр (и 529 млн соответственно) делают ее самой продаваемой франшизой в истории игровой индустрии[10].

Культура

Нельзя переоценить вклад Nintendo в развитие игровой индустрии и мировой поп-культуры. До появления Марио главные герои видеоигр не имели какой-либо идентичности, истории и т.д. С 1983 г., с выходом первой игры о братьях-водопроводчиках, содержательная часть видеоигр стала более сложной, многоуровневой, а единый сюжет для последующих частей обусловил появление целых линеек видеоигр[11].

Несмотря на то что главными действующими лицами важнейших франшиз Nintendo являются неяпонцы, сама концепция и вселенная игр отождествляется именно с Японией. По словам гейм-дизайнера Сигэру Миямото, все персонажи, локации и музыка в его играх создаются на основе воспоминаний из детства. Детство, игры с друзьями на игровой площадке — это Братья Марио, любовь к природе, исследованию лесов и пещер Японии — это Legend of Zelda. Карманные монстры стали олицетворением японских духов *ками* и *ёкай*, истории о которых в детстве рассказывала бабушка. Юмористическая и «мультяшная» составляющая до сих пор является главной характерной чертой игр от Nintendo[12]. Протагонисты обладают определенными чертами, а также являются носителями ценностей, которые особенно выделяются в японском обществе: храбрость, целеустремленность, чувство долга, уважение по отношению к старшим и любовь, умение работать в команде и т.д. Подобные морально-нравственные качества не только сближают японцев с персонажами игры, но и транслируют образ японских ценностей для западных игроков. Подобная концепция остается неизменной практически с самого основания Nintendo, что является еще одной визитной карточкой компании.

В 2017 г. несколько интернет-порталов (Internetmatters, Newsday) сравнили наиболее популярные на рынке консоли с тем, чтобы выбрать наиболее безопасную, удобную и приемлемую платформу как для семейного, так и для детского пользования. Выбором игрового сообщества данных порталов стала консоль Nintendo Switch[13]. На это есть несколько причин.

Продукция японской контент-индустрии (аниме, манга, игры) известна изобилием всевозможных форм физического и сексуального насилия. Несмотря на цензуру, создание подобного контента абсолютно легально на территории страны и, более того, стало одной из характерных именно для Японии жанровых специфик в видеиографах. Тем не менее на протяжении многих лет политика Nintendo по этому вопросу была достаточно жесткой. Вопреки изобилию и фактической легализации насилия в играх, минимизация и придание ему

излишней «мультяшности» было основным правилом компании. Под запрет также попадал эротический контент, ненормативная лексика, религиозная и политическая тематика[14].

Подобный «пацифисткий» феномен Nintendo до сих пор вызывает недоумение у многих игроков, ведь наиболее популяными жанрами были и остаются шутеры, симуляторы и т.д. Однако минимализация графического насилия делает продукцию компании Nintendo еще более востребованной среди детей и их родителей. Еще в 1985 г. в своем исследовании «The Dynamics of Family Interaction Around Home Video Games» Эдна Митчелл изучила влияние консолей Nintendo на семейный досуг и пришла к выводу, что продукция именно этой компании сближает членов семьи подобно традиционной настольной игре[15].

Здесь также происходит соприкосновение интересов двух поколений: родители, с детства знакомые с персонажами Pokemon, Mario, Zelda и не разочаровавшиеся в них, купят своим детям тот же самый бренд, но уже в новой технологической оболочке. Тенденция развлекательной индустрии к воскрешению и перезапуску старых франшиз на протяжении многих лет позволяет Nintendo удерживать высокую планку не только продаж, но и благосклонности аудитории.

Люди, инвестиции и иммиграция**

Согласно конституции, Япония провозглашает себя миролюбивой страной, отстаивающей идеи демократии и пацифизма, а также прав человека. Бренд «Made in Japan» отвечает не только за новейшие технологии и высококачественную продукцию, но и за морально-этическое восприятие японского бизнеса. Сегодня вклад той или иной компании оценивается не только производимыми товарами и услугами, но и участием в социальных проектах, благотворительных и природоохранных мероприятиях.

---

* В рамках данной статьи критерии «инвестиции и иммиграция» и «люди» были объединены. Критерий «власть» не рассматривается, т. к. в исследовании Anholt-GfK Roper Nation Brands Index данный критерий применим исключительно к государствам.

Как японская компания, Nintendo неразрывно связана с традициями корпоративной культуры, которая складывалась не одно десятилетие. Несмотря на то что компания имеет офисы в США, Европе и странах Азии, в области корпоративной культуры остается множество проблем. В своих интервью бывшие сотрудники Nintendo выражают свое недовольство касательно застоя внутри компании. В подобной креативной индустрии коллективное принятие решений, а также иерархическая система, при которой контроль со стороны старших сотрудников неизбежен, компания испытывает трудности как в творческой составляющей, так и в продвижении бизнеса.

Несмотря на достаточно миролюбивый характер производимого контента, игроки и сотрудники компании продолжают сталкиваться с агрессивным поведением некоторых представителей игрового сообщества. Наиболее широкое распространение получила история Элисон Рапп, которая подверглась травле со стороны игроков после ее поста о травле в отношении женщин в игровом сообществе. Компания не только не вступилась за сотрудницу, но и уволила ее, что вызвало широкий общественный резонанс, в том числе по вопросу защиты прав женщин, как в компаниях, так и в интернете[16].

Данная ситуация отразилась на рейтинге компании. В ежегодно составляемом Институтом репутации рейтинге «Самых уважаемых компаний» в 2017 г. Nintendo опустилась на 48-е место в сравнении с 2016 г., где ранее была 16-м. Основным критерием оценки в данном рейтинге является уровень и эффективность Корпоративной социальной ответственности (КСО), в рамках которой должна осуществляться всесторонняя поддержка сотрудников компании. Несмотря на то что Nintendo смогла вновь подняться в рейтинге в 2018 г. и занять 13-е место, данный вопрос все еще остается актуальным как внутри компании, так и в СМИ[17].

Ориентированность компании на детскую аудиторию позволила компании с 1992 г. начать сотрудничество с детским фондом Starlight для создания мобильных развлекательных модулей Starlight Fun Center и их установки в больницах. К концу 1995 г. было установлено около 1 тыс. модулей. Эти

устройства сочетают в себе различные формы мультимедийных развлечений, в том числе игры, и помогают детям отвлечься в период госпитализации. Более того, компания регулярно учавствует в благотворительных проектах организации Game Charity, деятельность которой направлена на поддержку малоимущих семей и детей с ограниченными возможностями. В 2007 г. Nintendo передала около 1 тыс. экземпляров игры Mario Kart в распоряжение фонда Game Charity. С декабря 2010 г. Nintendo участвует в ежегодных игровых марафонах, прибыль от которых передается благотворительному фонду Childs Play[18].

Как в самой Японии, так и в зарубежных представительствах Nintendo стремится соблюдать законодательство, в том числе касающееся экологии. Как и многие другие компании — производители электроники, Nintendo предлагает программу утилизации отходов, которая позволяет клиентам отправлять старые, более не используемые продукты[19].

Тем не менее компания заняла последнее место в рейтинге «Conflict Minerals Company», составляемом Enough Project, из-за отказа Nintendo предоставить информацию о поставках материалов, добываемых и производимых в конфликтных зонах Африки[20]. Цель проекта — пресечь любое финансирование вооруженных групп, черного рынка и коррупционных схем, способствующих эскалации вооруженных конфликтов в Африке. Компании должны подтвердить достоверность информации и легальность источников по добыче золота, тантала, вольфрама и олова. Эта группа, также называемая «конфликтными минералами», могла быть получена из Демократической Республики Конго и соседних стран, где преступные группы используют их для финансирования своей деятельности. В 2015 г. Nintendo обновила свой отчет о корпоративной социальной ответственности, указав, что 72% поставок сертифицировано и осуществляется через легальные, не поддерживающие военные формирования организации, и еще 7% проходят процесс аудита, чтобы стать сертифицированными[21].

Туризм

Практически ни одно популярное туристическое место в Японии не обходится без магазина или выставки, посвященной продукции по мотивам франшизы Pokemon. Официальные центры продажи располагаются в крупнейших туристических центрах Японии (Осака, Нагоя, Фукуока, Хиросима и т.д.), в том числе Pokemon center в Skytree в районе Сумида и Mega Tokyo в Икебукуро, а также Pokemon cafe в районе Гиндза.

В рамках опроса, проведенного японским сервисом Inbound Research в декабре 2017 г., целью которого было выяснить, как продукция развлекательной индустрии Японии влияет на стремление иностранцев посетить то или иное место на территории Японии, респондентам было задано два вопроса:

1) Какие продукты развлекательной индустрии ассоциируются у вас с Японией? (назовите не более 3).

2) Есть ли у вас места, которые вы бы хотели посетить (или уже посетили) после ознакомления с данной продукцией?

76% респондентов выбрали аниме и манга в качестве основных представителей развлекательного контента. В рейтинге аниме и манга Pokemon заняли 5-е место. Четвертый раздел «другое» включает в себя продукты музыкальной, игровой индустрии, литературы и т.д. Здесь также была упомянута франшиза Mario, которая разделила одинаковое количество голосов с другими претендентами, упомянутыми респондентами. В раздел «Места, которые вы посетили после знакомства с тем или иным контентом развлекательной индустрии Японии» вошел Pokemon Center в Токио[22].

В связи с новой волной популярности, Nintendo объявили о начале строительства парка развлечений Super Nintendo World, проект реализации которого осуществляется совместно с Universal Studio Japan. Парк будет включать в себя аттракционы, интерактивные зоны, магазины и кафе, посвященные таким видеоиграм, как Pokemon, Mario, The Legend of Zelda, Donkey Kong и т.д. Открытие парка приурочено к Олимпиаде, которая пройдет в 2020 г. в Токио[23].

Несмотря на то что Nintendo не являются официальным спонсором, компания активно учавствует в брендинге Олимпийских игр 2020. Так, начиная с летней Олимпиады в Пекине в 2008 г., Nintendo совместно с компанией Sega начала выпуск тематических спортивных симуляторов, посвященных олимпийским видам спорта (Mario & Sonic at the Olympic Winter Games). На сегодняшний день выпущено уже пять игр (Пекин, Ванкувер, Лондон, Сочи и Рио), а также ведется разработка игры в преддверии Олимпиады в Токио. Все игры были официально сертифицированы и продвигались при поддержке Международного Олимпийского комитета[24]. По словам разработчиков, эти игры должны приобщать детей к спорту, здоровому образу жизни, а также к честной конкуренции.

Еще одним важным событием, связавшим Nintendo и Олимпийские игры, стало появление премьер-министра Синдзо Абэ в костюме Марио на церемонии закрытия игр в Рио-де-Жанейро в 2016 г. Если зарубежная аудитория восприняла появление Абэ в костюме водопроводчика как весьма оригинальную и стильную шутку, то японская общественность отреагировала весьма неоднозначно[25]. Несмотря на заявление представителя Nintendo Ясухико Минагава о том, что инициатива использования Марио в качестве одного из главных действующих лиц в промо-ролике принадлежала Токийскому оргкомитету, ряд японских СМИ высказали предположение, что подобное использование бренда носило чисто коммерческий характер, о чем не была проинформирована общественность. Но, даже не являясь официальным спонсором, главные персонажи франшиз Nintendo будут сопровождать туристов и гостей Олимпиады в Токио в качестве неофициальных маскотов японской популярной культуры.

Заключение

Nintendo стала первой японской компанией, вышедшей на американский рынок и представившей миру на заре индустрии новое понимание мира видеоигр. Бизнес-стратегия

не смогла бы функционировать без культурно-исторического контекста и, в том числе, без влияния особой корпоративной культуры Японии, которая установила качество, лояльность и ориентацию на нужды потребителя в качестве приоритетных задач компании. Два важнейших актива — Mario и Pokemon, на которых выросло уже несколько поколений игроков, стали еще одним примером успешной трансформации традиционных ценностей японской культуры и технологических достижений современности.

Nintendo входит в число наиболее часто упоминаемых компаний, ассоциирующихся у потребителя с передовым развитием технологий в Японии и брендом «Made in Japan», маркетинговая стратегия которой не только способствовала успешному продвижению видеоигр, но и сделала их персонажей неотъемлемой частью японской и мировой поп-культуры. Участие компании не ограничивается только тематическими мероприятиями в рамках игровой индустрии: сегодня Nintendo продолжает работу как в сфере высоких технологий, создания образовательных программ для молодых разработчиков, так и спонсирует благотворительные проекты.

Несмотря на титул «культурной сверхдержавы», продвигать чисто «японский» продукт становится сложнее ввиду разного рода ограничений: захлестнувшая мир борьба с расизмом, сексизмом и любыми другими ущемлениями прав человека осложняет не только создание какого-либо продукта или контента, но и работу всей компании, которая вынуждена поддерживать не только свой имидж, но и имидж Японии на международном рынке. Дальнейший успех национального бренда во многом зависит от того, насколько японский государственный и частный сектора будут сотрудничать в достижении общих целей.

---

[1] Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // The Journal of Public Diplomacy. 2013. Vol. 2. P. 6—12. URL: https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=exchange (дата обращения: 06.04.18).

[2] Исследование GfK: Anholt-GfK Nation Brands Index 2017. URL: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-anholt-gfk-nation-brands-index-2017/ (дата обращения: 06.04.18).

[3] Nation Brand 2017. Brand Finance. URL: http://brandfinance.com/images/upload/bf_nation_brands_2017.pdf (дата обращения: 06.04.18).

[4] Country Brand Index 2014-15. Future brand. URL: https://www.futurebrand.com/uploads/CBI2014-5.pdf (дата обращения: 06.04.18).

[5] Global 500. The world's most valuable brands of 2018. http://brandirectory.com/league_tables/table/global-500-2018 (дата обращения: 06.04.18).

[6] 日本ゲーム産業. ゲームソフトの巨人たち. 日経. 東京. 2016. (История игровой индустрии Японии. Гиганты гейм-софта). 日経. 2016. с. 322—333.

[7] 任天堂がSONYより有利. 家庭用ゲーム機復活に必要な条件とは (Nintendo выгоднее, чем Sony. Условия, необходимые для возрождения домашних консолей). URL: https://www.news-postseven.com/archives/20130921_213166.html (дата обращения: 12.04.18).

[8] Q10 日本のキャラクターやコンテンツの認知.好意度は? (10 вопросов: уровень признания и популярности японских персонажей и развлекательного контента?). URL: https://dentsu-ho.com/articles/4458 (дата обращения: 18.04.18).

[9] 2016 年度の最高のブランド&キャラクターがついに決定! (Определены лучшие бренды и персонажи 2016 года!). Japan Character Award. 15.06.2018. URL: http://www.charabiz.com/award/news/20170614.html (дата обращения: 10.04.18).

[10] 億本以上売れた日本のゲームシリーズはマリオ・ポケモン・ソニックFFの4つしかないらしい (Четыре японские игровые франшизы, продажи которых превысили 100 миллионов копий: Mario, Pokemon, Sonic, Final Fantasy). URL: http://switchsoku.com/use/10262 (дата обращения: 10.04.18).

[11] 日本ゲーム産業. ゲームソフトの巨人たち. 日経. 東京. 2016. (История игровой индустрии Японии. Гиганты гейм-софта). С. 332—335.

[12] Q & A: Shigeru Miyamoto On The Origins Of Nintendo's Famous Characters // NPR. 19.06.2015. URL: https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2015/06/19/415568892/q-a-shigeru-miyamoto-on-the-origins-of-nintendos-famous-characters (дата обращения: 10.04.18).

[13] What's the best game console for kids? // Newsday. 29.12.2017. URL: https://www.newsday.com/business/technology/game-console-kids-nintendo-sony-1.15676349 (дата обращения: 10.04.18).

[14] Gaming console for children // Internet matters. 09.05.2017. URL: https://www.internetmatters.org/advice/tech-guide/gaming-consoles/ (дата обращения: 10.04.18).

[15] Mitchell. E. The Dynamics of Family Interaction Around Home Video Games // Marriage & Family Review. 1985. Vol. 8. № 1—2. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J002v08n01_10 (дата обращения: 10.04.18).

[16] Nintendo Employee 'Terminated' After Smear Campaign Over Censorship, Company Denies Harassment Was Factor // Kotaku. 30.03.16. URL: https://kotaku.com/nintendo-employee-terminated-after-smear-campaign-over-1768100368 (дата обращения: 10.04.18).

[17] 2017 Global CSR RepTrak. Reputation and Corporate Social Responsibility. URL: https://www.rankingthebrands.com/PDF/Global%20CSR%20RepTrak%20100%202017,%20Reputation%20Institute.pdf (дата обращения: 10.04.18).

[18] Nintendo Hooks Up Hospitalized Kids With Wii Fun Centers // Kotaku. 24.06.08. URL: https://kotaku.com/5019333/nintendo-hooks-up-hospitalized-kids-with-wii-fun-centers (дата обращения: 10.04.18).

[19] CSR レポート2018 — 次世代の笑顔のために (Корпоративная социальная ответственность — отчет. Ради улыбок следующих поколений). URL: https://www.nintendo.co.jp/csr/report2018/environment/index.html (дата обращения: 10.04.18).

[20] Taking Conflict Out of Consumer Gadgets. Company Rankings on Conflict Minerals 2012. Enough Project. URL: https://enoughproject.org/files/CorporateRankings2012.pdf (дата обращения: 10.04.18).

[21] CSR Report 2018 — Working With Our Business Partners. URL: https://www.nintendo.co.jp/csr/en/report2018/partners/index.html#production (дата обращения: 10.04.18).

[22] 【アニメ・映画ランキング】外国人観光客 100 人に聞いた、 日本を連想するエンタメと訪れたい聖地巡礼スポットとは. (Рейтинг аниме и фильмов: какие ассоциации у вас вызывает развлекательный контент с Японией, и какие знаковые места хотели вы хотели бы посетить — опрос ста иностранных туристов). URL: https://www.inboundresearch.jp/posts/6338/ (дата обращения: 12.04.18).

[23] Universal Studios Japan introduces Super Nintendo World. URL: https://www.nintendo.com/whatsnew/detail/universal-studios-japan-introduces-super-nintendo-world (дата обращения: 12.04.18).

[24] Athletes play video games as Olympics go virtual // Reuters. 07.08.2008. URL: https://www.reuters.com/article/us-video-games-olympics/athletes-play-video-games-as-olympics-go-virtual-idUSN8729423320080807 (дата обращения: 12.04.18).

[25] Super Abe was a taste of Tokyo's 2020 Olympic campaign // CNBC. 22.08.2016. URL: https://www.cnbc.com/2016/08/22/super-abe-was-a-taste-of-tokyos-2020-olympic-campaign.html (дата обращения: 20.04.18).

Отинов Дмитрий Александрович,
Бакалавр, 4-й курс, кафедра политических наук,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
историко-политологический факультет, Пермь
E-mail: dmitry.otw@gmail.com, тел. +79638582093

Эволюция политического режима в современном Ираке

Аннотация

Статья посвящена анализу факторов, повлиявших на демократизацию политического режима Ирака и исключивших его распад или новый авторитаризм. Среди них исследуется политическая культура, национальная идентичность. Ключевое место занимает анализ характеристик партийной системы, а также доказательство неавторитарного характера режима через его соответствие критериям демократии.

Ключевые слова: *политический режим, демократический транзит, Ирак, политическая культура, идентичность.*

Современные исследования, посвященные политическим режимам, довольно часто касаются темы переходов от авторитаризма к демократии и обратно, пытаясь выяснить условия и предпосылки для возникновения этих процессов. В научной и публицистической литературе, посвященной процессам демократизации, регион Ближнего Востока традиционно считается наименее подходящим для процессов демократического транзита, который изобилует примерами провала попыток внедрения «западных» политических институтов. Говоря об Ираке как о представителе класса «новых демократий третьего мира», многие исследователи приводят его в качестве самого яркого примера неудачи принудительной

демократизации традиционного общества. В связи с этим выдвигались в основном пессимистические прогнозы: Ирак ждал или неминуемый распад, или восстановление авторитаризма в том или ином виде. Идея несостоявшегося государства является во многом стереотипной и требует более глубокого исследования.

Ирак прошел через периоды распада и гражданских войн, но сохранил относительное единство и не вернулся к авторитаризму после всех трудностей, с которыми он столкнулся в процессе демократизации. Действительно, Ирак далек от стандартов либеральной демократии: в политической сфере доминируют этноконфессиональные различия, высок уровень насилия, есть серьезные проблемы с защитой прав человека.

Ряд мировых индексов демократии, оценивающих уровень демократичности политического устройства и его развития, дают относительно высокие показатели Ираку, а также фиксируют положительный тренд их изменения. Так, например, индекс политического режима PolityIV[1] относит Ирак к демократическим режимам (индекс 6 из 10). И эволюция политического режима свидетельствует о его устойчивости и воспроизводстве. В мае 2018 года в Ираке прошли очередные всеобщие парламентские выборы — уже 4-й электоральный цикл.

В теории демократизации выделяют два основных подхода[2]: *структурный*, в котором наибольшую важность имеют предварительные условия (социально-экономические, политические, культурные), и *процедурный*, который нацелен на анализ действия политических акторов. В таком случае влияние на режимный транзит оказывают активные действия и стратегии по трансформации политического устройства.

Цель работы — выявить особенности и результаты эволюции политического режима Ирака в 2003—2018 гг. и объяснить, какие структурные и процедурные факторы удерживали страну от распада и от возврата к авторитаризму.

Военная операция США и союзников в Ираке в марте—апреле 2003 г., безусловно, является самым мощным фактором, запустившим процесс трансформации политического

режима этой страны. Однако это внешнее вмешательство вместе с последующими решениями, действиями акторов, политической борьбой и выстраиванием новых конфигураций режима не вполне определяет движение к демократии или авторитаризму. Необходимо рассмотреть, как в этом процессе отрабатывались структурные условия, существовавшие и до начала эволюции. Какие из них способствовали сохранению авторитарного режима, а какие проявили себя после 2003 г: высвободились и стали оказывать определенное влияние на действия акторов, не допустив возврат к авторитаризму.

Политическая культура

В Ираке религия играет большую роль в жизни общества и оказывает первостепенное влияние на взгляды людей. Поэтому основным пунктом в исследовании политической культуры должен быть анализ совместимости ислама и демократии на основе как официальных теологических направлений, так и опросов людей об их личных представлениях. С. Хантингтон утверждал, что «мусульманские традиции составляют контекст, неблагоприятный для демократии» из-за низких эмансипационных ценностей[3]. Неблагоприятной предпосылкой является отсутствие в Ираке опыта демократии.

С 2005 г. правящий класс Ирака формируется в основном из представителей шиитской общины, как самой многочисленной. Духовный лидер шиитов Ирака аятолла Али Систани является непререкаемым авторитетом не только для простых граждан этой конфессии, но и для шиитских политических лидеров (например, бывшие премьер-министры аль-Малики и аль-Абади всегда следовали его советам)[4]. Самыми влиятельными богословскими школами в шиитском исламе являются школы в Наджафе (Ирак) и Куме (Иран). Важным для нашей темы является их различие в трактовке принципа «вилаят-е-факих». В отличие от теократических принципов Хомейни, противопоставленных западной демократии[5], представители школы в Наджафе допускали два источника легитимности политической власти: одобрение шиитского духовенства и одобрение народа через избираемый им кон-

сультативный совет. Аятолла Систани обосновывал синтез шиитского ислама и западного конституционализма[6], при этом полагая, что духовенство должно дистанцироваться от участия в политической жизни (т.н. «quietism»). Оно должно осуществлять контроль над властями с целью защиты интересов граждан и недопущения деспотизма[7], но при этом не создавать особого органа внутри государственного аппарата. Это расхождение послужило страховкой от формирования в Ираке исламской республики по иранскому образцу.

Также важно представлять взгляды иракцев на политическое устройство своей страны. Проект «Арабский барометр» показывает, что большинство иракцев считают демократию наилучшей формой для Ирака[8]. 72% иракцев выступают за разделение религиозной и общественной жизни, а 85% против вмешательства священнослужителей в политику. Подавляющее большинство иракцев позитивно относятся к демократической форме правления, при этом поддержка авторитарной формы правления среди суннитов в 4 раза выше (18%), чем у шиитов (5%). Также нужно отметить выбор парламентской системы, включающей не только светские, но и умеренно-исламистские партии.

Итак, политическая культура шиитского большинства оказалась восприимчива к идеям западной демократии. Но воспринята она была только в той мере, какой она соответствовала религиозным представлениям о демократии в шиитском исламе. Новые институты в западном исполнении были чужеродными для иракского общества, однако они не исчезли, а трансформировались под влиянием местных специфических представлений о демократии, что и предотвратило откат к авторитаризму.

Проблема национальной идентичности

До настоящего времени не удалось создать полностью единую иракскую нацию, продолжаются конфликты между тремя главными общинами: шиитами, суннитами и курдами. Но распада все же не произошло: все попытки радикальных суннитских и шиитских политиков самоопределиться

в отдельное государство не получили популярной поддержки. В связи с этим можно предположить, что имеющиеся в обществе конфессиональные расколы не настолько глубоки, чтобы угрожать распаду Ирака на шиитскую и суннитскую часть.

До 2003 г. в Ираке не было в чистом виде шиитско-суннитского противостояния, поскольку отсутствовала суннитская идентичность как таковая[9]. Официальная идеология в эпоху Саддама Хусейна — баасизм — пропагандировала принципы иракского национализма, пытаясь снизить значимость конфессиональных различий внутри единой иракской нации.

До 2003 г., как отмечал Е. М. Примаков, Ирак был достаточно целостным государством, и даже курды ставили своей целью широкую автономию вместо независимости[10]. То же самое пишет А. Стрейтпарт: «В Ираке существует четкое чувство национальной идентичности. В отличие от западных убеждений, иракцы в первую очередь определяют себя как иракские граждане, и только во второй инстанции — шииты, сунниты, туркмены или курды»[11].

Арабы-сунниты (в основном элита) обладали иракской национальной идентичностью. После 2003 г. шиитское большинство стало идентифицировать себя с единым иракским государством и предлагать свою форму иракского национализма[12], а сунниты, будучи противопоставлены новому режиму, стали чувствовать себя отдельной «сектой», вынужденной создавать свою идентичность и бороться за ее соблюдение.

В настоящее время высокий уровень коррупции и непрофессионализм правительства являются причиной широких протестов среди населения всех общин. Являясь несектантскими и нерелигиозными, эти выступления артикулируют требования народа к власти, формируют гражданскую активность[13].

Таким образом, конфессиональный раскол между шиитами и суннитами, безусловно, есть, и это является проблемой на пути создания единой нации. Но его глубина не является критической для невозможности существования в едином государстве. При этом наблюдаются положительные тенденции размывания межгрупповых барьеров.

Теперь нужно проследить, каким образом вышеуказанные предпосылки — элементы политической культуры, многосоставность иракского общества и этноконфесиональные расколы — отразились на политическом процессе после 2003 г. и привели к траектории эволюции режима именно в сторону демократии.

Эволюция партийной системы

В 2003 г. произошел крах иракской государственности. Но при всех негативных последствиях этого краха положительным моментом можно назвать создание новой системы «с нуля», не отягощенной наследием авторитарного режима. И тут сыграли свою роль те структурные предпосылки, которые благоприятствовали эволюции новой системы в сторону демократии.

Важным показателем, описывающим партийную систему, является эффективное число партий (ЭЧП) по формуле М. Лааксо и Р. Таагепера. С помощью ЭЧП можно установить число партий, имеющих реальный вес в политике, и с большей точностью классифицировать тип режима. В табл. 1 показано изменение эффективного числа партий в Ираке по результатам парламентских выборов, свидетельствующее об увеличении фрагментации партийной системы, а также об отсутствии доминирующей партии.

Таблица 1

Динамика изменения ЭЧП по результатам четырех электоральных циклов

Парламентские выборы	ЭЧП
2005	2,66
2010	4,36
2014	5,72
2018	6,05
Источник: Election Guide, 2018[14].	

Визуализация ЭЧП возможна с помощью «треугольника относительных размеров (ТОР), предложенного Г. В. Голосовым[15]. Сегменты треугольника отображают партийные системы различных типов. Разместив на треугольнике 4 точки, соответствующие четырем парламентским выборам, можно увидеть, что все они находятся в секторах «многопартийные системы» (рис. 1). Причем наблюдаются переходы между секторами «с лидирующей партией» (2005 и 2014) и «без лидирующей партии» (2010 и 2014). Действительно, выборы 2005 г. проходили исключительно среди конфессиональных партий, на которых победу одержала единая шиитская партия по причине преобладания шиитов в населении Ирака. В 2014 г. выборы проходили в условиях расцвета «соревновательного авторитаризма» при Нури аль-Малики[16], и в результате со значительным отрывом победила правящая партия «Государство закона». Вышеуказанные колебания можно назвать «режимным маятником». В 2010 и 2018 гг. ситуация принципиально другая: на выборах победила оппозиционная партия (с минимальным отрывом от конкурентов на 2-м и 3-м

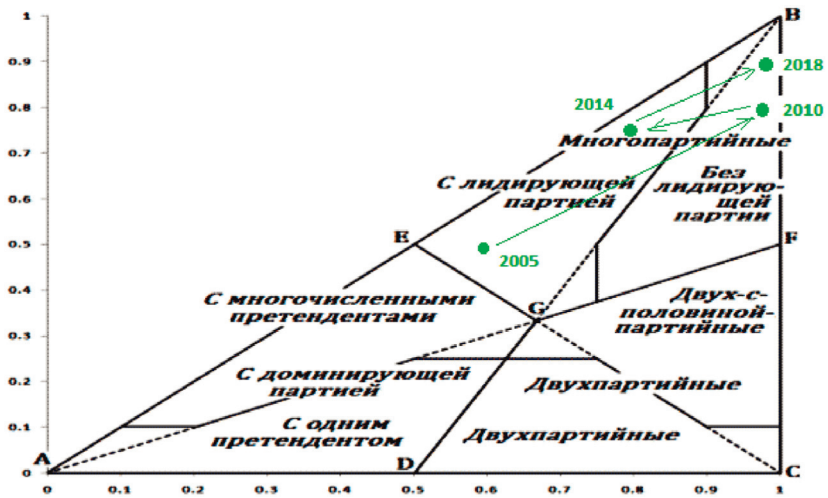


Рис. 1. Положение Ирака на треугольнике относительных размеров Г. В. Голосова по результатам четырех электоральных циклов

Источник данных для расчетов: Election Guide, 2018[17]

местах), что подтвердило отсутствие доминирующей силы, обеспечивающей себе победу на выборах.

Еще одним методом классификации партийных систем является графический метод М. Нагаямы. Этот метод позволяет анализировать системы по критериям доминирования и равновесности двух ведущих политических сил страны, а также степени влияния третьих партий[18]. На рис. 2 приведены индексы партийной системы Ирака по результатам четырех парламентских выборов (по итоговому распределению мест), нанесенные на треугольник Нагаямы. Во-первых, подтверждается, что в целом партийная система является плюралистической, с высокой степенью паритета основных партий. Во-вторых, имеют место колебания индекса, подобные указанным выше на ТОР: в 2005—2010 гг. и 2014—2018 гг. наблюдалось движение в сторону равновесия двух ведущих партий и снижения роли остальных партий, а в 2010—2014 гг., наоборот, в сторону усиления доминирования правящей партии. Кроме этого, в данный период наблюдается резкое понижение координаты Y, что говорит об увеличении роли третьих

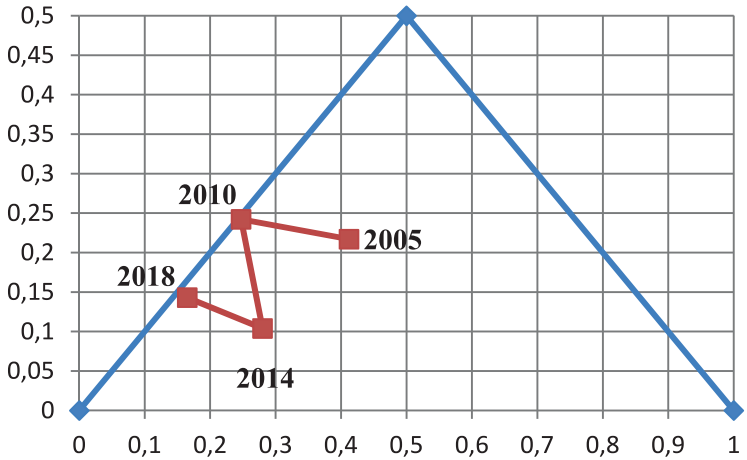


Рис. 2. Положение партийной системы Ирака на треугольнике Нагаямы

Источник данных для расчетов: Election Guide, 2018[19]

партий. Это может быть следствием не только исчезновения влиятельной второй силы, но и изменения избирательного законодательства в 2009 г., повысившим представленность малых партий в парламенте.

Выводов об эффективном числе партий и типе партийной системы явно недостаточно для ее полной характеристики. Одним из главных препятствий к достижению подлинной демократичности в Ираке является этноконфессиональный характер партий. Поэтому необходимо установить, есть ли движение от «этнического» голосования к гражданскому. Для этого может быть полезен индекс национализации партийной системы, показывающий уровень эквивалентности поддержки партий в каждом регионе страны[20]. Этот индекс составлен из частных индексов национализации отдельных партий. Результаты по парламентским выборам 2014 и 2018 гг. приведены в табл. 2. Как и ожидалось, самые низкие показатели у курдских партий и исключительно суннитского «Муттахидун». Самые высокие индексы у «Наср» и «Фатах», идеология которых все больше уходит от шиитской идентичности к национальной. Общий индекс национализации также повысился почти на 10%.

Таблица 2

Изменение индекса национализации партий и партийной системы в целом в 2014 и 2018 гг.

Партия	2018 г.	2014 г.	+/−
«Саирун» (Садристы) (Ш)	0,552	0,489	0,063
«Фатах» (Ш)	0,686		
«Наср» («Победа») (Ш)	0,760		
ДПК (К)	0,099	0,095	0,004
«Государство закона» (Ш)	0,549	0,557	−0,009
«Аль-Ватания»	0,389	0,291	0,097
«Аль-Муватин» (Ш)	0,420	0,524	−0,104
ПСК (К)	0,138	0,162	−0,024

Окончание табл. 2

Партия	2018 г.	2014 г.	+/−
Муттахидун (С)	0,183	0,123	0,060
«Движение за перемены» («Горран») (К)	0,035	0,037	−0,002
«Новое поколение» (К)	0,144		
Аль-Арабия (С)		0,144	
Иракский Альянс (С)		0,209	
Индекс национализации партийной системы	0,403	0,310	0,093
Источник данных для расчетов: Election Guide, 2018[19]			

Суммируя полученные результаты, можно сделать вывод, что в Ираке нет доминирующей партии, а партийную систему можно скорее описать как «систему крайнего плюрализма» — продолжается фрагментация политического пространства на множество мелких сегментов, формирующиеся коалиции имеют неустойчивый характер. Но вместе с этим скорее доминируют центростремительные, чем центробежные тенденции, что придает устойчивости системе. Само наличие этих политизированных сегментов препятствует концентрации власти у одной из политических сил с перспективой восстановления авторитаризма.

Тип политического режима и его перспективы

В данной главе попытаемся ответить на вопрос, каков итог эволюции политического режима на текущий момент и каковы перспективы его изменения в будущем. Для этого необходимо выяснить, не является ли иракский политический режим демократическим только по форме, но авторитарным по сути. Демократические институты могут быть лишь «фасадом», скрывающим авторитарные практики взаимоотношений между элитами.

Для количественной оценки характеристик политического режима обратимся к мировым индексам и рейтингам, измеряющим уровень демократии. Не все из них можно назвать

полностью объективными и политически неангажированными, однако их сравнение и выявление общих оценок может помочь создать объективную картину ситуации в Ираке.

Индекс политического режима **PolityIV**[22] связывает режим и особенности существующих институтов. Преимущество данного индекса — выявление тенденций и «узловых точек» в трансформации политических режимов. В Ираке такой узловой точкой стал 2014 год, когда произошел переход из анократии в демократию (рис. 3).

Индекс демократии **«The Economist»** (Democracy Index) основан на комбинации экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения из соответствующих стран. Можно заметить очень высокий индекс политического участия, сравнимый с показателями некоторых европейских стран: Ирак находится в одном кластере с США, Южной Кореей, Италией, Индией, Ливаном. Также стоит отметить повышающийся уровень политической культуры и, в то же время, крайне низкую эффективность работы правительства.

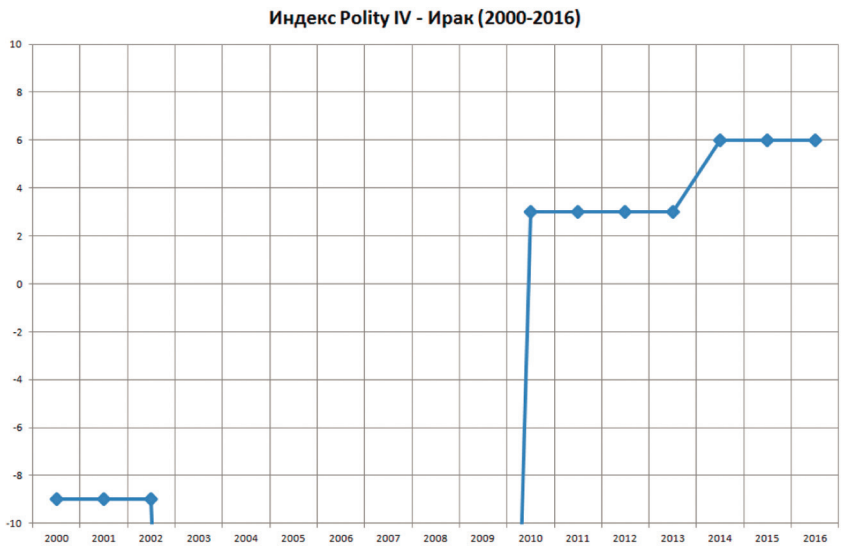


Рис. 3. Индекс PolityIV — Ирак (2000—2014 гг.)

Индекс трансформации фонда Бертельсманна (BTI) по сравнению с другими индексами дает самые низкие оценки Ираку, однако самым высоким индикатором оказывается «Свободные и честные выборы» (7 из 10)[23]. В то же время низким оказывается индекс управления, верховенство закона и соблюдение гражданских прав, что в итоге приводит авторов к выводу об авторитарном характере режима, но этот показатель все же лучше, чем у большинства ближневосточных стран.

Рейтинг «Свобода в мире» неправительственной организации «**Freedom House».** Ирак в данном рейтинге определен как «несвободное государство» с индексом 31 из 100. Но если учесть динамику прошлых лет, можно увидеть, что Ирак находится на пороге вхождения в класс «частично свободных» стран» с индексом от 35. На графиках (рис. 4—8) представ-

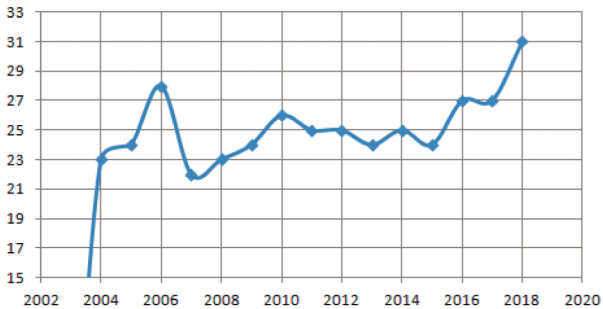


Рис. 4. Суммарный индекс Freedom House

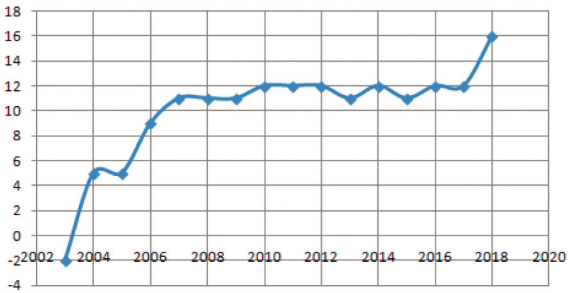


Рис. 5. Политические права

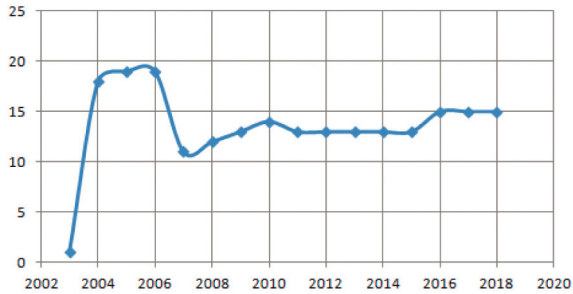


Рис. 6. Гражданские свободы

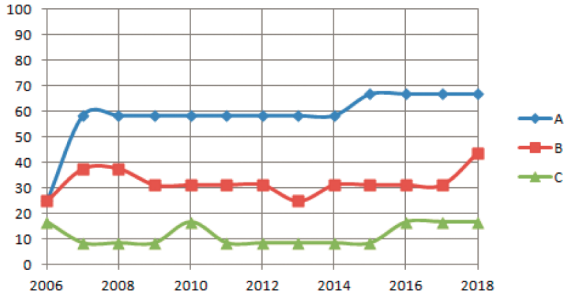


Рис. 7. Компоненты показателя политических прав (в % от максимума)

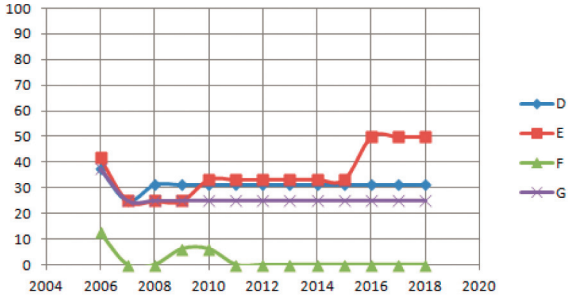


Рис. 8. Компоненты показателя гражданских свобод (в % от максимума)

лена динамика изменений указанных индикаторов[24]. Можно отметить высокий уровень политических прав по сравнению с гражданскими свободами, а особенно качество избирательного процесса. Подтверждается увеличение количества НПО и общественных организаций (рост индикатора F). Вместе с этим остается крайне низкой эффективность работы правительства и фактически отсутствует верховенство закона.

Из анализа перечисленных индексов можно сделать следующие выводы. Во-первых, в Ираке достаточно высокий уровень политической конкуренции, выборы считаются свободными и справедливыми. Во вторых, низкие значения уровня верховенства закона и соблюдения гражданских свобод, однако многие из индикаторов демонстрируют положительную динамику за последние 4 года (с 2014 г). В-третьих, правительство неэффективно и не удовлетворяет основные потребности населения (в безопасности, электричестве и др.). И, наконец, даже те индексы, которые относят Ирак к авторитарным (несвободным) режимам, ставят их на самое высокое место в этой категории, т.е. на границе перехода к гибридным демократиям.

Соответственно, политический режим в Ираке удовлетворяет минималистским требованиям демократии (по А. Пшеворскому): соревновательность, участие, непредрешенность исхода, невозможность пересмотра результатов. По классификации Л. Даймонда[25].

Ирак: не полудемократия (доказывается через индексы Polity и Бертельсманна); не система с гегемонистской партией; не персоналистский режим. Более точным применительно к Ираку, на наш взгляд, является термин «бесформенный плюрализм» Т. Карозерса[26].

Таким образом, политический режим Ирака никак нельзя назвать «фасадной» демократией. Это режим гибридного типа с массой недемократических практик, однако, явно не соответствующий признакам авторитарного режима.

Заключение

Эволюция политического режима Ирака, начавшаяся в 2003 году, изначально имела четко определенное направление — установление демократии в этой стране. В настоящее время в широком классе гибридных режимов Ирак расположен ближе к демократии, чем к авторитаризму и показывает движение в этом направлении. Определяющими характеристиками режима являются наличие свободных, конкурентных и имеющих решающее значение выборов, а также значительное политическое участие. Определение иракского политического режима как «бесформенного плюрализма» говорит о том, что элита состоит из множества конкурирующих группировок, соблюдающих «правила игры», т.е. в рамках институционально установленной демократической системы. Однако они оторваны от граждан, имеющих слабые каналы влияния на власть. При отсутствии сильных внешних воздействий (военных вторжений или гражданских войн) такая система может быть устойчива, с возможными колебаниями режима в сторону авторитаризма и обратно. Главным условием для дальнейшего укрепления демократии является повышение ответственности власти перед обществом.

Мы выделили следующие *неизменные* структурные факторы, при наличии которых существовали два абсолютно разных режима: отсутствие опыта демократии, насилие как основной метод решения проблем общества, а также рентная экономика, что все вместе способствовало формированию в Ираке таких авторитарных режимов, как диктатура Саддама Хусейна. Многосоставность общества и позиция шиитского духовенства скорее способствуют демократии, чем препятствуют. Но до 2003 г. эти факторы не играли никакой роли, поскольку шииты были практически лишены доступа к власти. А многосоставность общества отрицалась и подавлялась репрессивными мерами государства, тем самым не допуская никакого политического плюрализма.

В 2003 г. ситуацию переломил независимый агентский фактор — внешнее вмешательство, в результате чего старая государственность рухнула. Репрессивные традиции ушли

из плоскости «государство—народ» в плоскость «группа—группа». Отсутствие опыта демократии отчасти компенсировалось импортом западных демократических институтов под руководством бывших эмигрантов и оттеснением старой элиты от властных ресурсов. Приход шиитского большинства к власти высвободил влияние их политической культуры, совместимой с демократией. А многосоставность общества породила множество конкурирующих политических сил с невозможностью доминирования одной из них. В то же время раскол между шиитами и суннитами не настолько глубок, и единая иракская идентичность все же начинает обретать свои контуры, что препятствует распаду страны.

При всех негативных последствиях краха государственности в 2003 г. положительным моментом можно назвать создание политической системы, в которой новая элита полностью заменила старую, исключив влияние ее авторитарных практик. Большое значение имел выбор парламентской системы, как предотвращающей концентрацию власти в одних руках. Влияние на этот выбор оказывали духовные лидеры шиитов исходя из религиозных представлений этой ветви ислама, и это оказалось конгруэнтно политической культуре большинства населения. Отсутствие законодательно закрепленного консоциативного разделения власти стало барьером для дальнейшей политизации этноконфессиональных различий и создания дополнительных барьеров между общинами.

---

[1] Polity IV. Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets // Center For systemic Peace. 2017. URL: http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2016.xls (дата обращения 15.01.2018).

[2] Мельвиль А. Ю. Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин. 2011. С. 295—318.

[3] Харпфер К., Инглхарт Ф. Демократизация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 205.

[4] Shadid A. Iraqi Sheik Struggles for Votes, And Against Religious Tradition // The Washington Post. 27.01.2005. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A39853-2005Jan26.html (дата обращения 22.03.2018).

[5] Cole J. The Ayatollahs and Democracy in Iraq (International Institute for the Study of Islam in the Modern World. Papers 7 ed.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. P. 6.

[6] Ibid. P. 7.

[7] Филин Н. А., Пилоян М. Г. Аятолла Али Систани: Новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть (2). 2015. С. 135.

[8] Arab Barometer II — Iraq // Arab Barometer. 2012. P. 18. URL: http://www.arabbarometer.org/sites/default/files/englishiraqIIreportII.pdf (дата обращения 20.01.2018).

[9] Haddad F. A Sectarian Awakening: Reinventing Sunni Identity in Iraq After 2003 // Hudson Institute. 4.08.2014. URL: https://www.hudson.org/research/10544-a-sectarian-awakening-reinventing-sunni-identity-in-iraq-after-2003 (дата обращения 22.01.2018).

[10] Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. С. 356.

[11] Streitparth A. Political Culture and Democratization in Iraq // Bundesverbands Sicherheitspolitik. 15.04.2004. P. 4. URL: https://www.sicherheitspolitik.de/fileadmin/user_upload/WiSi_Pub/WiSi_online/2007/wus_04_2007_streitparth.pdf (дата обращения 18.02.2018).

[12] Boduszyski M., Lamont C. The challenges of building a shared Iraqi identity // Open Democracy. 5.11.2017. URL: https://www.opendemocracy.net/north-africa-west-asia/mieczys-aw-p-boduszy-ski-christopher-k-lamont/challenges-of-building-shared-i (дата обращения 22.01.2018).

[13] Jagoda Warsza P. National and Cultural Identity in Iraq in the Face of Formation of the New Post Sykes-Picot Order in the Middle East // Contemporary Arab and Muslim World in the International Relations. 2017. P. 10. URL: http://islamicconference.eu/wp-content/uploads/paulina-jagoda-warsza.pdf (дата обращения 27.03.2018).

[14] Election for Iraqi Council of Representatives // ElectionGuide. 2018. URL: http://www.electionguide.org/elections/?inst=&cont=Iraq&yr= (дата обращения 28.01.2018).

[15] Голосов Г. В. Партийные системы стран мира: Региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // Политическая наука. 2012. № 3. С. 76.

[16] Dodge, T. State and society in Iraq ten years after regime change: the rise of new authoritarianism // International Affairs. 2013. № 89 (2). P. 243.

[17] Election for Iraqi Council of Representatives, 2018.

[18] Чередов И. Г. Сравнение динамики партийных систем Великобритании, Германии и Франции по методу Нагайамы // Журнал ПОЛИТЭКС. 2009. URL: http://www.politex.info/content/view/606/30/ (дата обращения 28.01.2018).

[19] Election for Iraqi Council of Representatives, 2018.

[20] Голосов Г. В., Григорьев И. С. Национализация партийной системы: Российская специфика // Политическая наука. 2015. № 1. С. 137.

[21] Election for Iraqi Council of Representatives, 2018.

[22] The Polity Project // Center for Systemic Peace. 2017. URL: http://www.systemicpeace.org/polityproject.html (дата обращения 08.12.2017).

[23] Status Index // Transformation Index BTI. 2017. URL: https://www.bti-project.org/en/data/rankings/status-index/ (дата обращения 02.04.2018).

[24] Freedom House. Aggregate Category and Subcategory Scores, 2003-2018 // Freedom in the World. 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Aggregate%20Category%20and%20Subcategory%20Scores%20FIW2003-2018.xlsx (дата обращения 25.03.2018).

[25] Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. 13(2). P. 24.

[26] Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. 13(1). P. 10.

Крылова Дарья Георгиевна
Факультет мировой экономики и мировой политики,
Национальный Исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики
E-mail: dgkrylova@edu.hse.ru

Изменения в проявлениях национальной идентичности в молодежной среде Республики Корея как индикатор успешности национально-патриотического воспитания

Аннотация

В статье рассматриваются изменения в проявлениях национальной идентичности в поколении 20+ современной южнокорейской молодежи, которые отличаются от этнической формы, и влияние на эти процессы национально-патриотического воспитания в стране в начале XXI века. Данное исследование направлено на выяснение текущего состояния и тенденций развития проявлений ювенальной национальной идентичности в Республике Корея.

Ключевые слова: *национально-патриотическое воспитание, ювенальная национальная идентичность, общественное сознание, общественное самосознание, глобализация.*

Введение

Воспитание молодых граждан в духе патриотизма, любви к Родине является важной задачей государственной политики, направленной на сохранение самобытности и культуры нации. Определение успешности такой политики в случае корейской национальной идентичности существенно осложняется одновременным существованием двух национальных корейских государств, существенно различающихся между собой уровнем социально-экономического развития общества. В РК вопросам национально-патриотического воспитания уделяется значительное внимание, действия общества и государства в этом направлении регулируются правовыми

актами, действующими в рамках Основного (базового) закона о молодежи РК [1].

Республика Корея модернизировалась по неоиндустриальному пути, и глобализация оказала огромное влияние на ее культурное развитие, что отразилось прежде всего в значительной вестернизации общественного сознания и представлений о национальной идентичности, особенно в молодежной среде. С переходом страны к постиндустриальному периоду развития в проявлениях национальной идентичности граждан РК наблюдалось снижение этнической составляющей. С большой долей вероятности можно утверждать, что указанная трансформация является ключевой проблемой национально-патриотического воспитания подрастающего поколения в РК в духе единства корейской нации. Общество и государство в РК противодействуют влиянию глобализации через реализацию государственной политики в области воспитания молодежи, поддерживают этническую, традиционную составляющую в проявлениях национальной идентичности в молодежной среде.

В начале 90-х годов Ф. Фукуяма отмечал, что в связи с крушением и распадом СССР, а вместе с ним модели биполярного мира, «повсеместно наблюдается убедительная победа экономического и политического либерализма..., а западная либеральная демократия становится универсальной формой управления обществом» [5]. Справедливости ради следует отметить, что спустя некоторое время первоначально присутствовавшая у представителей западной общественно-политической мысли эйфория об универсальности неолиберальной политики как ключевого инструмента развития как западных, так и восточных обществ постепенно уступила место более умеренному и прагматичному взгляду на положение вещей. Почетный профессор Университета Британской Колумбии (Канада) Чан Юн Сик отмечал, что «ответная реакция на воздействие глобализации проявляется не в ослаблении, а, напротив, в усилении национального сознания» [3]. Вместе с тем, представляется очевидным, что начиная с 60-х годов прошлого века произошла адаптация общественного сознания в обществах восточного типа, включая конфуцианские, к «западным»

ценностям. Политика значительного числа стран Азиатско-Тихоокеанского региона стала приобретать явственные либеральные черты, а в РК, со времен Шестой Республики, неолиберализм являлся ключевым трендом в государственной политике, проводимой под лозунгом глобализации.

Помимо глобализации, на наш взгляд, основной причины трансформации представлений о национальной идентичности в ювенальной среде РК, необходимо упомянуть и о том связанном с ней факте, что переход Южной Кореи с 1996 года в статус экономически развитой страны развернул миграционные потоки. До этого времени сальдо миграционного процесса указывало на отток населения, а теперь в страну начало прибывать все большее количество мигрантов.

Основной (базовый) закон о молодежи РК в качестве молодых рассматривает граждан страны в возрасте от 9 до 24 лет. Данная статья сфокусирована на исследовании проявлений национальной идентичности для более узкой и более старшей по возрасту группы — 18—29 лет (поколение 20+), которое родилось в конце прошлого века. Взросление этого поколения совпадает с периодом перехода РК к постиндустриальной фазе развития в условиях бурного развития и победы демократии в стране. Взгляды этого поколения на собственную национальную идентичность за последние двадцать лет трансформировались от преимущественно примордалистских к самоопределению индивида не столько путем противопоставления корейцев другим этническим группам, сколько противопоставления более узкой общности южнокорейцев иным диаспорам, включая этнических корейцев, попавших в РК в результате миграционных процессов.

Успешный процесс индустриальной модернизации разместил РК в поляризованном глобализацией мире на стороне наиболее развитых и богатых стран, но вызвал трансформации представлений о национальной идентичности, а с ней и появление проблемы национально-патриотического воспитания молодежи, связанной с задачей объединения нации. Этническое единство с северокорейцами не является достаточным основанием в глазах молодых южнокорейцев для того, чтобы признать свою и их принадлежность к одному целому.

Развитие представлений о национальной идентичности в РК является предметом пристального внимания исследователей, однако консенсус в понимании их нынешнего состояния, а следовательно, эффективности национально-патриотического воспитания молодежи в настоящий момент не достигнут.

Основной гипотезой, доказываемой в статье с привлечением методов спектрального анализа данных ретроспективных социологических опросов, проведенных в РК в период с 2000 по 2017 год, является предположение, что начиная с 2010-х годов замедляется процесс ослабления этнической компоненты в выражениях национальной идентичности поколения 20+, тренд развития меняет свое направление.

Трансформация общественного сознания и проявления национальной идентичности в поколения 20+

Среди значительного числа работ, исследующих данное явление, заметной является работа Шин Джи Вука, в которой содержится подробное обсуждение особенностей формирования национального самосознания в Корее. Этнические проявления, утверждает Шин, продолжают стимулировать стремление к объединению с Севером, однако эта тенденция сильнее проявляется среди пожилых людей и слабее выражена в молодом поколении [12]. Глобализация усилила влияние этнического фактора на формирование южнокорейской национальной идентичности. Усиление этнической солидарности, основанной на связях крови и общей истории, явилось ответной реакцией на культурные и социальные потрясения, вызванные модернизацией и глобализацией [12].

Одновременно в научной литературе стало заметным и постепенно усиливается мнение, что характер национальных настроений в стране становится более прагматичным, последнее особенно заметно в среде молодежи, которая попрежнему отождествляет себя со всей Кореей, но выражает очень практичный и даже консервативный подход в отношении Северной Кореи и вопросов объединения. Молодые люди в Южной Корее этнически идентичны с теми, кто находится на Севере, однако их этнические настроения ослабли и уже

недостаточно сильны, чтобы гарантировать их готовность заплатить ожидаемую высокую цену за издержки немедленного объединения. Вместо этого молодые люди предпочитают медленное постепенное воссоединение, которое сводит к минимуму затраты на объединение, подразумевая при этом вливание северян в южнокорейское общество [8].

Отмеченное в указанной выше работе снижение значимости этнических представлений в самоидентификации молодого поколения Южной Кореи, отражающееся в растущей амбивалентности южнокорейцев в отношении объединения, используется большинством исследователей в качестве индикатора глубины трансформации представлений об идентичности поколения 20+, происходящего в результате взаимодействия противоборствующих влияний традиций корейского общества и глобализации.

Важными в понимании трансформации представлений о национальной идентичности в РК, произошедшей при переходе от авторитарной модернизации к постиндустриальному развитию, являются изменения в способах самоидентификации, использующие противопоставление корейцев другим этническим диаспорам, проживающим в Корее. С завершением периода авторитарного правления и ростом демократии отпала необходимость в национальной идентичности, основанная на антиавторитаризме, антиимпериализме и антиамериканизме [9].

Среди корейцев, особенно молодых, сформировалась нарастающая тенденция к поиску более мягких «этнических» выражений идентичности, например в виде спортивного [12] или культурного патриотизма в русле «корейской волны» [8].

В этой связи необходимо отметить растущее число исследований, в которых рассматриваются вопросы идентичности в отношении этнических корейских мигрантов. Заслуживает внимания концепция «иерархической нации» [10], описывающая установление иерархии этнических корейцев в Южной Корее. В этой иерархии образованные корейцы-американцы размещены наверху, в то время как северокорейские иммигранты оказываются в основании «пирамиды». Известно, что выходцы из Северной Кореи испытывают значительные трудности в адаптации к обществу Южной Кореи [4].

Из сказанного выше следует, что до настоящего момента значительное число исследователей придерживается той точки зрения, что имеет место расширение взгляда на корейскую идентичность, переход от представления о преобладании этнических проявлений к культурно-глобализованным [2]. Молодые люди в РК в своей идентификации склонны скорее противопоставлять себя этнически близким выходцам с корейского Севера, чем иммигрантам из других этнических групп, в том случае, если они отвечают требованиям этой новой культурно-глобализированной идентичности, что представляет собой совершенно новое понимание национального самосознания в Южной Корее [7].

Необходимо констатировать, что из анализа известных данных независимых социологических опросов, проведенных в РК в период с 2000 по 2015 год [13], следует, что современное южнокорейское общество в своих ценностных ориентирах сместилось от представлений, характерных для традиционного восточного общества, в сторону «западных» ценностей. В большей степени это выразилось у поколения 20+ и менее заметно у старшего поколения.

В статье использованы результаты двух волн упомянутого выше исследования, относящиеся к 2005 и 2010 годам, дизайн исследования-2000 существенно отличался от последующих и не был использован в сравнении, а результаты опросов, проведенных в 2015 году, до настоящего момента не опубликованы.

Основываясь в рассуждениях о том, насколько далеко сдвинулись ценностная и поведенческая матрицы разных возрастных и гендерных групп в РК от «восточных» представлений, на сравнении результатов, полученных в 2005 и 2010 годах, необходимо отметить, что в целом распространенность религиозных взглядов в южнокорейском обществе снизилась, прежде всего в поколении 20+. В 2005 году среди молодежи число ответивших, что они не исповедуют никакой религии, было в 1,5 раза больше, чем в среднем по всей выборке (1200 человек), а в 2010 году уже в 2 раза, при этом христиане в 2005 году составляли 61,4% всех верующих, а среди молодежи — 68,8%. В 2010 году число христиан в целом по выборке несколько увеличилось — 62,5%, но в группе 20+ уменьшилось — 62,9%.

Любопытно, что в 2010 году у респондентов появились ответы, называющие в качестве исповедуемой религии конфуцианство, их число, в целом по выборке, составляло всего 0,5%, но среди молодежи такие ответы наблюдались в 1,4 раза чаще.

Представляется, что в общественном сознании граждан РК сдвиг ценностных ориентиров в сторону либеральных (западных) представлений в вопросах демократии и равенства полов окончательно закрепился, аналогичная картина наблюдается в ответах на вопрос о свободе индивидуума в принятии решений, что, фактически, совпадает с вопросом о том, что доминирует в сознании индивидуума: личные или коллективные цели. Из ответов респондентов следует, что для всех возрастных категорий характерно то, что важные для себя решения они принимают, руководствуясь личными целями. В отношении поколения 20+ эта тенденция проявляется наиболее отчетливо. В продолжение данного рассуждения представляются важными ответы на вопрос о важности и пользе для общественного развития существования внутренней конкуренции, из которых следует, что наличие внутренней конкуренции скорее польза, чем вред.

Констатируя сдвиг в ценностных ориентирах в умах представителей разных поколений корейцев, нужно обратить внимание на тот факт, что усиление влияния либеральных представлений прослеживается далеко не в каждой реакции респондентов на вопросы, которые были предложены в ходе опросов 2005 и 2010 годов. Так, отвечая на вопрос «Является ли достижение гордости родителей за детей одной из основных жизненных целей?», молодое поколение корейцев, аналогично представителям других поколений, высказалось однозначно в пользу традиционных ценностей («сыновья почтительность»). Важным представляется тот факт, что за пять лет, разделяющих 5-ю и 6-ю волны опросов, в реакции поколения 20+ прослеживается усиление традиционных представлений, что справедливо для всех гендерных групп.

Основываясь на данных количественных опросов, можно попытаться, используя пики предпочтений в ответах, построить умозрительную поверхность, отражающую существующее распределение представлений общественного сознания между «западными» и «восточными» (рис. 1).

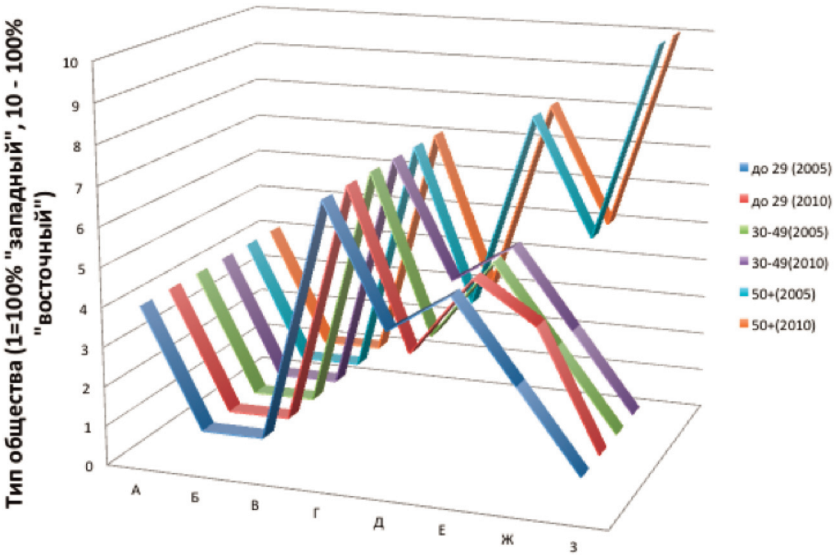


Рис. 1. Изменение ценностных ориентиров в общественном сознании в разных поколениях

Составлено по:
URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp; http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp
(дата обращения: 12.01.2018)

Вопрос	Код
Насколько хорошо то, что в РК существует демократическая форма правления	А
Важно ли, что в РК — демократия	Б
Важно ли равенство полов для демократии	В
Является ли достижение гордости родителей за детей главной целью	Г
Индивидуализм в принятии решений	Д
Политические взгляды	Е
Является ли конкуренция внутри общества необходимой	Ж
Религиозность	З

Очевидно, что современное общественное самосознание южнокорейского поколения 20+ существенно трансформировалось, вместе с тем, в динамике результатов опросов общественного мнения отсутствует тренд к дальнейшей либерализации представлений, наблюдается достижение баланса между влиянием традиционных ценностей и глобализацией. Более того, в отношении поколения 20+ имеющиеся данные допускают интерпретацию, что в общественном сознании молодежи наметилась тенденция усиления значимости традиционных ценностей.

Развитие отношения поколения 20+ к корейцам из КНДР

Рассмотренная выше динамика трансформации общественного сознания РК, с одной стороны, подтверждает и объясняет, почему проявления национальной идентичности молодых южнокорейцев сдвинулись от этнической к культурно-глобализованной форме. С другой соторны, она указывает на то, что создались условия, при которых примерно с 2010 года не происходит дальнейшее ослабление этнических проявлений национальной идентичности на фоне общей стабилизации подвижки представлений от традиционных в сторону «западных» ценностей.

Основным вопросом для поколения 20+ остается отношение к северокорейцам. Представляется, что рассматриваемая в данной статье гипотеза находит свое подтверждение в данных Института изучения проблемы мира и объединения Сеульского национального университета, в которых представлены результаты исследования общественного мнения в РК в период с 2007 по 2016 год по вопросу возможности и желательности объединения двух корейских государств [11].

Исходя из распределения мнений о том, кем являются северокорейцы в глазах южнокорейцев, используя сглаживание рядов данных с помощью полиномиальной аппроксимации, можно сделать заключение, что между 2007 и 2010 годами действительно существовал тренд к снижению признания южнокорейцами северных соседей представителями одной

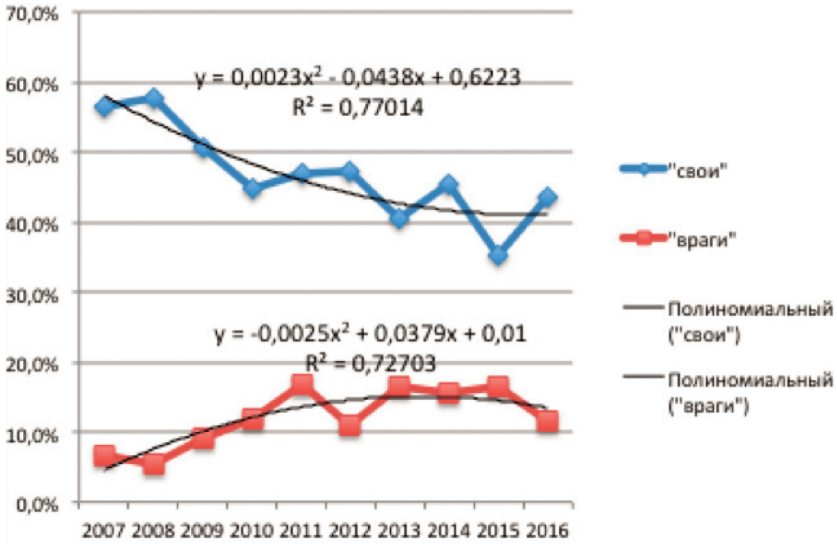


Рис. 2. Изменение восприятия северокорейцев южнокорейцами (доля ответивших в %)

Составлено по:
Jung, Keunsik, et al., Unification Perception Survey 2016.
URL: http://tongil.snu.ac.kr/xe/esub910/86694 (дата обращения: 28.01.2018)

нации (рис. 2), что подтверждает ранее высказанное положение о том, что снижение этнических проявлений идентичности является проблемой, на преодоление которой направлено национально-патриотическое воспитание молодежи РК.

С 2010 года степень отрицательного восприятия северокорейцев пошла на убыль, хотя и наблюдалась значительная волатильность данных социологических опросов. Исследователи не отмечали статистически значимых изменений в отношении восприятии северокорейских граждан южнокорейцами в зависимости от гендерных признаков или степени образования, однако отмечалось существование зависимости между восприятием и региональным опытом респондента, религией, возрастом, уровнем дохода, при этом, не наблюдалось зависимости от того, что респонденты проживают в городской местности или нет; и от их политических взглядов [6].

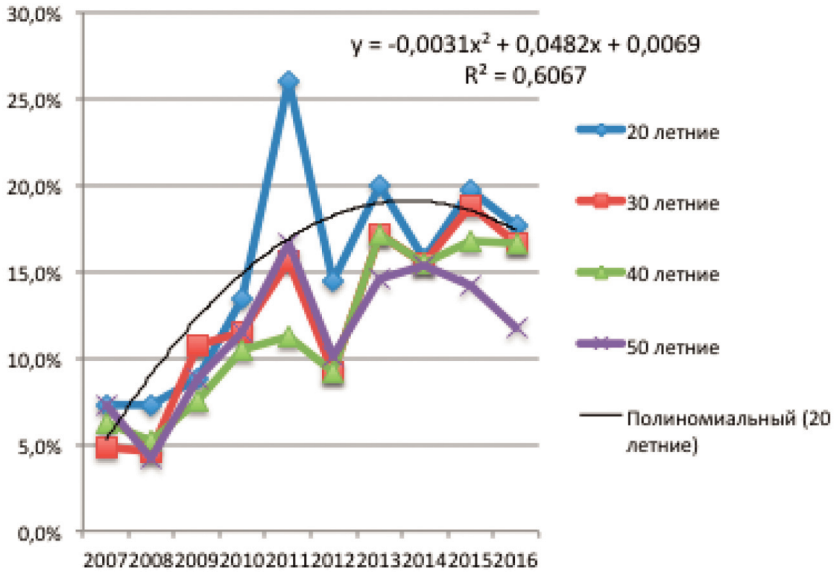


Рис. 3. Изменение негативного отношения к северокорейцам (доля в % придерживающихся негативного отношения) в разных возрастных группах

Составлено по:
Jung, Keunsik, et al., Unification Perception Survey 2016.
URL: http://tongil.snu.ac.kr/xe/esub910/86694 (дата обращения: 28.01.2018)

В отношении поколения 20+ предположение о смене тренда в отношении к корейцам из КНДР выглядит еще более убедительным, хотя и менее статистически значимым (рис. 3).

На основании приведенных фактов, с достаточной вероятностью (выше 50%), можно утверждать, что начиная примерно с 2010 года снижение этнических проявлений идентичности в среде молодежи стабилизировалось, доля представителей поколения 20+, не признающих жителей КНДР и РК представителями одной нации, стабилизировалась в интервале значений от 15% до 20%, и дальнейшего роста не наблюдается.

Стабилизация доли молодого поколения РК, не приемлющего идею национального единства с жителями КНДР, свидетельствует об успешности молодежной политики РК и эффективности национально-патриотического воспитания

молодежи. Скорее всего, уместно говорить о переходе к новому этапу в решении задачи по достижению готовности молодого поколения к объединению нации, одной из ключевых целей Основного (базового) закона о молодежи РК. Данный этап предполагает появление тенденции к нарастанию этнических проявлений идентичности в молодежной среде и снижению доли несогласных считать жителей двух корейских государств представителями одной нации.

Выводы

1. Быстрый переход РК к постиндустриальной фазе развития в условиях сильного влияния глобализации привел к значительной трансформации общественного сознания в сторону либеральных (западных) представлений и уменьшению этнических проявлений национальной идентичности, особенно в молодежной среде.

2. В результате эффективного национально-патриотического воспитания молодежи к 2010 году удалось стабилизировать снижение этнических проявлений в национальной идентичности молодежи, в том числе в поколении 20+.

3. Опыт РК в решении воспитательных задач молодежи показывает, что проведение эффективной государственной политики позволяет скомпенсировать негативное воздействие глобализации на традиционные ценности восточного общества.

Литература

1. Чонсонён кипоп поб (Основной закон о молодежи Республики Корея) // Национальный информационный правовой центр. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=140560&efYd=20130528#0000 (дата обращения: 12.12.2016).

2. Cambell E. South Korea's New Nationalism: The End of «One Korea»? Boulder, CO: FirstForumPress. 2016. — 228 p.

3. Chang Y., Seok H., Baker D. Korea Confronts Globalization. London: Routledge. 2011. — 304 p.

4. Chung B. Y. Between Defector and Migrant: Identities and Strategies of North Koreans in South Korea. // Korea Studies. — 2008. — Vol. 32. — P. 1—27.

5. Fukuyama F. The end of history and the last man. 1992. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.suz.uzh.ch/dam/jcr:00000000-36d7-41d4-0000-00000936ea84/Francis_Fukuyama.pdf (дата обращения: 02.02.2018).

6. Jung, Keunsik, et al., Unification Perception Survey. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://tongil.snu.ac.kr/xe/esub910/86694 (дата обращения: 28.01.2018).

7. Kim N.N. J. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals' Dilemma // The International Migration Review. — 2008. — Vol. 42. — P. 576—596.

8. Lee, Sook-jong. The Assertive Nationalism of South Korean Youth: Cultural Dynamism and Political Activism // SAIS Review. — 2006. — Vol. 26. — Issue 2. — P. 123—132.

9. Moon K. Korean Nationalism, Anti-Americanism, and Democratic Consolidation // Korea's Democratization. — Samuel S. Kim (ed). — Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2003. — P. 135—158.

10. Seol D. H., Skrentny, J. Ethnic return migration and hierarchical nationhood // Ethnicities. — 2009. — Vol. 9. — Issue. 2. — P. 147—174.

11. Seoul National University Institute for Peace and Unification Studies (IPUS). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://tongil.snu.ac.kr/xe/?mid=eng_main (дата обращения: 22.01.2018).

12. Shin Gu-Wook. Ethnic Nationalism in Korea Genealogy, Politics, and Legacy. Stanford.: Stanford University Press, 2006. — 328 p.

13. World Value Survey. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 22.01.2018).

Сунь Ичжи
Студент II курса кафедры Новейшей истории России
Института истории СПбГУ
E-mail: yizhisun961203@gmail.com

К вопросу о преступности среди российских эмигрантов в Шанхае в 1917—1922 гг.

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам преступности среди российских эмигрантов в Шанхаt в 1917—1922 гг. Источники показывают, что и до проникновения профессиональных преступников в Шанхай из Харбина и СССР процент преступности у эмигрантов в Шанхае были высоким. И довольно большой частью из преступлений был серьезные случаи в виде коллективной кражи драгоценностей и товаров больших торговых центров, а также в виде контрабанды опиума.

Ключевые слова: *русская эмиграция в Китае, русская эмиграция в Шанхае, преступность, история Шанхая.*

Данная статья посвящена проблемам преступности среди российских эмигрантов в Шанхае на раннем этапе, а именно до прибытия в Шанхай Сибирской флотилии контр-адмирала Ю. К. Старка в 1922 г. История преступлений у эмигрантов в раннем периоде в целом была мало изучена. Шанхайский исследователь Ван Чжичэн считает, что процент преступности среди эмигрантов был всегда незначительным вплоть до того, когда из Харбина и СССР проникли профессиональные преступники в конце 20-х гг.[1] Шанхаевед русского Зарубежья А. М. Котенев также не исследовал ситуацию русской преступности в своей работе по коллективному суду (會審公廨 Хуэй Шень Гун Се), лишь упомянул, что, прочитав дела, он пришел к выводу о том, что процент преступности у русских

в 1921—1924 гг. был тот же самый — как в дореволюционной России (1—2 %)[2]. Однако А.М. Котенев не дал нам источники, которыми он пользовался, также вряд ли он в 1925 г. знал точное число русских переселенцев в Шанхае. В связи с тем, что он сам является русским, объективность его исследования оказывается под сомнением.

Благодаря источникам, выявленным автором данной статьи, возникает необходимость иначе расставить акценты и показать, что проблемы преступности у российских эмигрантов в Шанхае были уже довольно острыми до проникновения Сибирской флотилии. Используя документы и статистику из полицейского фонда шанхайского Международного сеттльмента, а также англоязычные и китаеязычные газеты, изданные в Шанхае, мы рассмотрим общую ситуацию преступности эмигрантов в Шанхае в данном периоде, а также отдельно проанализируем каждую категорию преступлений — кражи, мошенничества, продажа паспортов и хулиганство. А также более тяжелые преступления в виде продажи оружии и контрабанды наркотиков.

В данном периоде численность русского населения в Шанхае была гораздо меньше, чем у других иностранцев. По результатам переписи Международного сеттльмента 16 октября 1920 г. численность иностранного населения составила 23 307 человек[3]. Количество русского населения в Шанхае всегда была загадкой, так как у многих русских не было действующих паспортов и они не могли регистрироваться в русском консульстве. Согласно официальной статистике в отчете В. Ф. Гроссе, с 1900 до 1921 г. в Шанхай проникли всего 1174 русских[4]. Если учитывать существование большого количества русских без паспортов, то настоящее количество русских в Шанхае в данном периоде гораздо больше. Также была неофициальная статистика из шанхайской прессы, согласно которой в апреле 1922 г. численность русского населения достигла 5000[5]. Однако русские были «малой народностью» в демографическом составе Шанхая до 1922 г. Русские занимали максимум 10—20% от иностранного населения Шанхая.

Совсем другую ситуацию можем заметить из статистики судебных дел. Согласно ежегоднику Муниципалитета 1921 г.

всего 98 уголовных дел были рассмотрены в смешанном суде, из них 63 дела, то есть почти 65 %, касались русских[6]. Учитываем, что, возможно, русские эмигранты еще были связаны с шанхайскими мафиями[7], настоящие проценты преступности у эмигрантов, вероятно, еще выше.

Шанхайское общество также заметило высокий процент преступности среди русских в Шанхае. 29 ноября 1919 г. была опубликована редакционная статья о русских беженцах. В этой статье автор уже заметил проблемы преступности: «...среди русского населения было замечено больше случаев бесправия, чем среди других населений в нашем городе....»[8]. Однако целью автора, опубликовавшего данные о проблемах русских беженцев, было не изгнание их из Шанхая, а желание помочь им. В последней части статьи под названием «Что делать, чтобы помочь» автор дал немало советов о возможных способах решения проблем[9].

Однако позиция шанхайских властей по отношению к русским преступникам была крайне жесткая. В 1922 г. было установлено правило высылки русских преступников из Шанхая: «В Шанхае много русских. Среди них немало нехороших людей, которые профессионально совершают преступление. Многие из них были отправлены в смешанный суд, и многих приговорили к высылке. Однако они всегда не уважают приговор суда. Сейчас по результатам переговоров между консульским корпусом и нашей властью [китайской властью — С.И.] полиция Международного Сеттльмента будет арестовать всех русских преступников, приговоренных к высылке. Их будут отправлять в полицию Шанхая [китайскую полицию — С.И.], затем в Тяньцзинь, и дальше в свою страну»[10].

Сразу после установления данного правила начались высылки. 7 апреля русский преступник Эрдов(?) (愛爾道夫 Ei Er Do Fu) был депортирован из Шанхая в Тяньцзинь[11]. Другой преступник, некий Александр, был приговорен смешанным судом к одному году тюремного заключения и высылке после заключения в связи с кражей и мошенничеством[12].

Виды преступлений, совершенных русскими в Шанхае, не были однообразными. Это кражи, мошенничества, продажи

паспорта и хулиганство. Также вывод А. М. Котенева о том, что среди русского населения не было тяжелых преступлений, был несправедливым, нами были замечены более тяжелые преступления в виде продажи оружия и контрабанды наркотиков.

Многие преступления связанные с кражами, были замечены у русских в Шанхае. Уже в 1918 г. российские подданные воры Джемпийский? (傑姆彼斯基 Jie Mu Bi Si Ji) и Сирбейштейн? (希爾拜施坦 Xie E Be Si Tae) совершили кражи в магазине жемчужин «Юймупен (玉木本 Yuo Mo Ben)». В 10 часов 21 декабря русский консул В. Ф. Гроссе рассмотрел данное дело в консульском суде и решил отправить их во Владивосток[13].

Также в 1918 г. три финна из России совершили кражи во Французской концессии и фальсифицировали печать русского консула. Они были приговорены В. Ф. Гроссе к 10 годам тюремного заключения[14].

В 1922 г. был замечен случай, когда русские супруги совместно совершили кражи. Жена Зоркая? (趙雷考奥克婭 Zo Lei Ko O Ke Ya) и Муж Пикеан? (畢克昂 Bie Ke Ang) украли 2 метра хорошего шелка в японском магазине, который находился в Усун (吳淞) роад. Жена спрашивала у продавца о покупке шелка, а муж совершил данное преступление. Японский вице-консул Танака приговорил жену к трем месяцам заключения, мужа — к одному месяцу[15].

Также была русская преступная группировка, которая специализировалась на кражах. 21 декабря 1922 г. были арестованы 5пять русских, три женщины и двое мужчин — за многочисленные кражи в больших торговых центрах на Нанкин стрит. Полиция с давних пор уже начала получать жалобы от торговых центров о пропаже товаров. 21 декабря полиция арестовала их в центральном районе и нашла несколько пакетов одежды[16].

Преступлений, связанных с паспортами у русских в Шанхае, были много в рассматриваемом нами периоде. В основном это были случаи проникновения в Шанхай без паспорта, незаконного получения паспорта от китайской власти и т.д. Уже рассмотренные нами супруги-воры также незаконно получили паспорта от китайской власти. 13 августа 1922 г.

был замечен случай незаконного проникновения четырех русских в Шанхай из Владивостока. Они были арестованы полицией Международного сеттльмента[17].

Кроме вышеупомянутых преступлений, связанных с паспортом, также был случай, когда русские продали свой паспорт немцам. По репортажу в прессе, два русских продали свои паспорта немцам и бежали в Тяньцзинь. Получив информацию от Шанхая, тяньцзинская полиция арестовала их, затем полиция Международного Сеттльмента конвоировала их в Шанхай. 15 июля 1918 г. состоялся консульский суд по данному делу. Эти русские признались, что из-за бедности им пришлось продать свои паспорта. Они связались с немцами, которые предлагали им 250 серебряных юаней. Консул (В. Ф. Гроссе) решил, что данное преступление являлось тяжелым из-за вражды Шанхая и России с Германией во время войны. Но в связи с тем, что мотивом этих русских была беднота и они дали показания на немцев-покупателей, суд приговорил их к четырехмесячному заключению[18].

Хулиганство также было замечено среди преступлений, совершенных русскими. 4 января 1921 г. русский мужчина Стефан (斯緹番 Si Te Fae), проживавший на Бродвее[19], в пьяном состоянии ходил на улице с ножом в руках. Один китайский полицейский Международного сеттльмента подошел к нему. Однако Стефан сумел ранить данного китайского полицейского ножом. Преступник был арестован другим китайским полицейским и его иностранными коллегами. 6 января в смешанном суде он был приговорен к штрафу 20 долларов. Однако в связи с тем, что у Стефана не было денег, в итоге он был приговорен к трехнедельному заключению[20].

Кроме вышеупомянутых преступлений, русские также совершали немало тяжких преступлений в Шанхае, это была продажа оружия и контрабанда наркотиков.

Мы знаем, что во время проникновения флотилии Ф. Л. Глебова и его казаков были случаи массовой продажи оружия, и даже корабля[21]. Однако уже в 1920 г. частные русские лица уже начали продавать оружие. 31 августа 1920 г. китайская власть в Шанхае арестовала двоих русских[2] в связи

с продажей оружия. Их оружие на продажу находилось на русском корабле в Шанхае[23].

Кроме продажи оружия, серьезной проблемой в Шанхае была контрабанда наркотиков. Сведения о контрабанде наркотиков поступали уже в декабре 1918 г. 9 декабря отряд по борьбе с контрабандой Международного сеттльмента арестовал русскую женщину в связи с контрабандой опиума. Она приехала в Шанхай на корабле компании «Южная Маньчжурия» из Дальнего. В ее одежде было найдено 3 фунта опиума[24].

В 1922 г. русские контрабандисты уже образовали свою сеть продажи наркотиков. Российский подданный Пазаногов? (帕猜諾哥夫 Pa Ce Nuo Gu Fu) и Нобививск (諾比維夫知克 No Bi Wi Fu Zi Ke), китаец Цао Сенэн (曹先能) были арестованы полицией Международного сеттльмента за торговлю опиумом. Пазаногов провез контрабандным путем 16 пакетов опиума на поезде в Шанхай. Нобививский и Цао Сенэн (он являлся официантом ресторана) планировали получить этот опиум на вокзале. Однако все они были арестованы[25].

Важным путем для контрабанды наркотиков в Шанхай был морской путь на кораблях русского добровольного флота. 8 мая 1919 г. таможня нашла 150 фунтов опиума на пароходе «Симбирск». Этот опиум был спрятан в одежде и в одном из бойлеров[26].

Более «популярным» в этом отношении являлся пароход «Пенза». Уже до Октябрьской революции был замечен случай контрабанды наркотиков на этом корабле. Один русский моряк на «Пензе» был арестован на Янзипу роад (Yangtszepoo Road). В его кармане были найдены четыре фунта опиума[27]. Однако после этого события пароход «Пенза» не перестал быть популярным среди контрабандистов опиума. Вечером 17 июля 1918 г. румынский контрабандист Кевок Юлиан (Kevock Julian) был арестован на «Пензе». Коллега таможни В. Н. Коллако (V. N. Collaco.) нашла в его багаже 5 фунтов опиума. Дело обвиняемого рассматривалось в смешенном суде 19 июля. Он рассказал судьям, что потерял троих братьев в войне в Румынии, а сам приехал из Одессы во Владивосток

с группой беженцев. При этом он заявил, что не знал, что продажа опиума в Шанхае была нелегальной[28].

Вплоть до конца 1919 г. поступала информация о контрабанде опиума на «Пензе». 4 декабря 1919 г. состоялся консульский суд над тремя русскими женщинами. Они провезли опиум контрабандным путем в Шанхай на «Пензе». В. Ф. Гроссе приговорил их к шестимесячному заключению и штрафу в размере 122 долларов[29].

Таким образом, можно заметить, что ситуация с преступностью у русских в Шанхае была довольно серьезной. Самыми большими проблемами были кражи и контрабанда наркотиков. Источники показывают, что и до проникновения профессиональных преступников в Шанхай из Харбина и СССР[30] процент преступности у русских эмигрантов в Шанхае были высоким. И довольно большой частью из преступлений были серьезные случаи в виде коллективной кражи драгоценностей и товаров больших торговых центров, а также в виде контрабанды опиума.

---

[1] Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с китайского. М.: Русский путь, 2008. С. 37.

[2] Kotenev. A.M. Shanghai: Its Mixed Court and Council. Shanghai: Kelly & Walsh Limited, 1925. P. 69.

[3] Shanghai Municipal Council. Report for the year 1921 and Budget for the year 1922. Shanghai: SMC, 1922. P. 93.

[4] Ван Чжичэн. Указ. соч. 2008. С.57.

[5] Эфан Цзянфан (Изгнать русских преступников) // Шибао. 09.04.1922.

[6] Shanghai Municipal Council. Op. cit. C. 55.

[7] В 1924 г. во время проникновения флотилии Глебова были случаи массовой продажи русского оружия китайским мафиям, очевидно, Глебов не мог строить контакт с мафией в такое короткое время, вероятнее всего он пользовался сложившимся контактом русских эмигрантов с ними (мафиями).

[8] Destitute Russians of Shanghai // The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. 29.11.1919.

[9] Ibid.

[10] Эфан Цзянфан (Изгнать русских преступников) // Шибао. 09.04.1922.

[11] Эфан Цзянфан Бэнгуо (Русский преступник был изгнан в свою страну). // Шэньбао. 04.08.1922.

[12] Эфан Цзянфан (Изгнать русских преступников) // Шибао. 09.04.1922.

[13] Нанкинлу Чеан Лючжи (Кража в Нанкин Стрит) // Шэньбао. 22.12.1918.

[14] Фэнланжень Цзайху Тинцуй (Финны были приговорены в Шанхае). // Шэньбао. 16.07.1918.

[15] Эфу Фанцзянь (Русская женщина попала в тюрьму) // Синьвэнбао. 05.03.1922.

[16] News // The North-China Daily News. 22.12.1921.

[17] Ухучжао Эжень Лайху (Русские без паспортов проникли в Шанхай). // Шэньбао. 13.08.1922.

[18] Эжень Май Хучжао (Русские продали свои паспорта) // Шэньбао. 16.07.1918.

[19] Шанхайский Бродвей.

[20] Цзюйцзуй Эжень (Пьяный русский) // Шибао. 06.01.1921.

[21] Ван Чжичэн тщательно рассмотрел данный вопрос в своей монографии.

[22] Зовут их на китайском языке 古培 и 培爾, возможно, это не их настоящие имени.

[23] Тяйбао (Телеграф). // Шэньбао. 31.08.1920.

[24] Эфу Юй Япянь (Русская женщина и опиум) // Синьвэнбао. 12.12.1918.

[25] Эжень Юйн Япянь (Русские провезли опиум). // Шэньбао. 08.07.1922.

[26] News // The China Press. 11.05.1919.

[27] News // The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. 29.09.1917.

[28] Opium Smuggling — Rumanian Caught Red Handed On Penza // Shanghai Times. 20.07.1918.

[29] News // The China Press. 05.12.1919.

[30] Ван Чжичэн. Указ. соч. С. 37.

Буштедт Елизавета Андреевна
4-й год обучения, факультет Мировой экономики и мировой политики, школа Востоковедения, НИУ ВШЭ
E-mail: elizavedta@mail.ru

«Чжуан-цзы» как этап формирования философского рассуждения

Аннотация

Данное исследование представляет собой результаты анализа формы текста «Чжуан-цзы». Автор делает выводы об относительной датировке фрагментов гетерогенного текста и выявляет, к каким стадиям формирования памятников древнекитайской философской мысли относятся исследуемые фрагменты.

Ключевые слова: *Чжуан-цзы, Ле-цзы, Баопу-цзы, даосизм, текстологический анализ.*

Проблема составления и фиксации древнекитайских текстов является одной из основополагающих для источниковедения в истории древнего Китая.

Появление новых источниковедческих методов предоставляет возможность углубленно исследовать форму изложения философских идей и выделить стадии в истории формирования древнекитайских философских памятников.

Объектом данного исследования является даосский философский памятник «Чжуан-цзы» (далее — ЧЦ).

Предмет исследования: жанровые особенности ЧЦ, форма текста и типы содержания памятника.

ЧЦ был написан не одномоментно, текст складывался на протяжении продолжительного времени несколькими поколениями учеников философа Чжуан Чжоу, которому чаще всего приписывается авторство анализируемого памятника.

В связи с гетерогенностью текста памятника и присутствием в тексте разрозненных текстовых вставок, различающихся по структуре и по жанру, перед нами встает несколько научных проблем: отсутствие однозначной относительной датировки глав памятника, неопределенность стадии, которую представляет памятник в развитии философской мысли.

Цель данного исследования:

1. Относительная датировка фрагментов памятника.

2. Выявление стадий формирования памятников древнекитайской философской мысли.

Исходя из выделенных нами целей, формируются следующие **задачи:**

1. Проанализировать структуру текста с помощью разделения неоднородных главы текста на структурно-жанровые группы (далее — СЖГ).

2. Определить, является ли мысль связующим звеном между различными выделенными группами.

3. Соотнести набор СЖГ в памятнике «Чжуан-цзы» с другими памятниками, которые были составлены раньше или позже исследуемого текста.

В данном исследовании был использован метод, разработанный Ульяновым М. Ю. [13, 43—59]. Данный метод состоит в структурном анализе текста, подразделении текста на структурно-жанровые группы. Структурно-жанровые группы представляют собой различные по структуре и жанру текстовые вставки. Исследование проходит в два этапа: 1) анализ непосредственно самого текста ЧЦ, вычленение информации, содержащейся в тексте, описание этапа исторического процесса, представленного данным памятником; 2) встраивание «Чжуан-цзы», как промежуточного этапа, в общую канву происходящих исторических процессов.

В данной работе использовалось несколько переводов текста с вэньяня: основным переводом был выбран перевод Позднеевой Л. Д. [3] в силу использования в нем более научного, а не литературного языка. Перевод Малявина В. В. [2] также использовался как вспомогательный для уточнения неясных мест. Переводы на английский [5] и французский [4] языки также применялись для получения более четкого перевода.

Повышенный интерес к изучению «Чжуан-цзы» в Китае появился в 80-е годы XX века [15]. Если, начиная с «модернизаторов» движения 4 мая, в марксистском понимании трактат рассматривался с негативной стороны, как «бегство» от важных социальных и политических проблем в вымышленную реальность, то к 80-м годам конъюнктура изменилась. Археологами были найдены тексты, которые способствовали расширению знаний о духовной культуре эпохи Сражающихся царств, что привлекло значительный интерес к «Чжуан-цзы». Исследователи начали уделять особое внимание переизданному Чен Гуином в 1983 году, а затем в 2009 году «Чжуан-цзы» с современным комментарием и переводом» [21]. Автор проводил в Китае и на Тайване кампанию по изучению даосских мыслителей. В то время, помимо классической китайской трактовки «Чжуан-цзы», китайские исследователи начинают рассматривать «Чжуан-цзы», с другой точки зрения, сравнивать древнекитайскую философию с взглядами западных ученых, с философской герменевтикой Гадамера, с идеями о бессознательном Фрейда, с идеями Фуко. Повышенное внимание к «Чжуан-цзы» способствовало выходу в свет важнейших трудов. В частности, вышла в свет «История "Чжуан-цзы"» [22], в которой обобщались все комментарии, ссылки на трактат в других древних памятниках начиная с III века до н.э. вплоть до начала республиканской эпохи в истории Китая. Все комментарии текста были подвержены критическому анализу. Данное сочинение давало представление об изменении роли «Чжуан-цзы» в интеллектуальной жизни Китая на протяжении многих веков.

На сегодняшний момент множество китайских ученых занимается вопросами трактовки основных идей Чжуан-цзы, изложенных в трактате. А именно, хотелось бы отметить труд Чжан Сунхуэйя [23], в котором ученый проводит анализ фрагментов текста, которые были неверно интерпретированы его предшественниками, приводит новые трактовки с опорой на устойчивую доказательную базу.

В 80-х годах в Европе проявился особый интерес к датировке фрагментов памятника. Данной проблемой занимались несколько исследователей: Гарольд Рот [20], Грэхэм [17], однако полученные результаты, которые уже были описаны мной выше, не дают возможности сделать однозначных выводов относительно датировки памятника.

Проблемой формирования, составления и фиксации текстов древнего Китая в отечественной синологии занимались Позднеева Л. Д. [11] и Рубин В. А. [12] Ими было оформлено сложившееся представление о формировании большинства древнекитайских текстов. Современное понимание состоит в том, что памятники формировались не единовременно, процесс составления текста проходил две фазы: 1) изустно передающееся от наставника учение фиксировалось письменно; 2) существующий текст дополнялся и расширялся последователями наставника в более поздние периоды.

Структурный и лексический анализ текста был проведен А. М. Карапетьянцем [9]. Исследователь провел анализ текста по метрическим и лексическим структурам, сделал выводы относительно того, к какому стилю языка принадлежит памятник, однако им не были выявлены структуры, которые могли бы свидетельствовать о том, чьему авторству принадлежат разные главы памятника.

Считается, что самим Чжуан-Чжоу были написаны «внутренние» главы. Все последующие главы предположительно составлялись позже учениками учителя Чжуана [18]. Некоторые исследователи определяют более дробную периодизацию источника [17, 283—321] [19, 61—73].

Вопрос датировки трактата остается открытым до нашего времени и привлекает внимание многих исследователей современности, которые, используя различные критерии датировки текста, предлагают неоднозначную периодизацию написания источника.

1. Структурно-жанровые группы (СЖГ) «Чжуан-цзы», их характеристика

Исследование, которое было проведено с использованием метода М. Ю. Ульянова, показало, что гетерогенный текст исследуемого философского трактата «Чжуан-цзы» распадается на следующие структурно-жанровые группы: ***повествование, описание, рассуждение, нарратив, монолог***. То есть на первом этапе нами был подтвержден тот факт, что памятник создавался не одномоментно, но создавался путем складывания текста из различных вставок.

Далее приводим подробное описание вставок (СЖГ), на которые распадается текст. **Повествование** — группа, представляющая собой рассказ о сменяющих друг друга действиях. В повествовании изложение ведется либо от первого лица, от лица рассказчика, либо от третьего лица. **Описание (О)** — простая группа, в которой представляется какой-либо персонаж, группа лиц, предмет путем перечисления его основных свойств и признаков. **Рассуждение (Р) —** словесное пояснение философских категорий, изложение мыслей. **Нарратив (Н)** — сложная группа, имеет литературный характер, состоит из двух частей: 1) введение в ситуацию при помощи повествования, которое может нести в себе историческую информацию либо иметь отношение к историко-литературной традиции; 2) после введения следует диалог. Данная СЖГ исполняет функцию пояснения философских принципов. **Монолог** — данная структурно-жанровая группа представляет рассуждение, которое излагается от первого лица. Некоторые виды СЖГ включают в себя несколько подгрупп, в частности «рассуждение» представлено в нескольких разновидностях: рассуждение без посторонних вставок; рассуждение, подтвержденное повествованием или описанием; рассуждение, подтвержденное обобщением; повествование или определение с выводом в виде рассуждения. Подгруппы «нарративов», то есть сложной группы, представленной в виде диалога с литературным введением, следующие: нарратив первого вида (нарратив с длинным вступлением, более 20 иероглифов (Н-I)), нарратив второго вида (нарратив с коротким введением, менее 20 иероглифов (Н-II)), нарратив третьего вида (нарратив без введения (Н-III)). Группа «монолог» также представлена в двух видах: монолог без введения; монолог с введением.

2. Анализ выделенных структурно-жанровых групп

Для того чтобы провести относительную датировку глав памятника и понять, какие главы были составлены раньше, а какие позже, мы распределили главы на подгруппы, учитывая частотность употребления в них наборов СЖГ.

Наборы СЖГ, распределение по главам

№ главы	Общее количество СЖГ	Описание	Повествование	Рассуждение	Р+О	Робобщ	П+Р	Н-I	Н-II	Н-III	Монолог	М2 (монолог со вступлением)
Глава 1	11	1			1		5		1	3		
Глава 2	20		1	8	2	3	1			4	1	
Глава 3	5	1		1				1	2			
Глава 4	8	1					1	2	3	1		
Глава 5	6			1			1		2	2		
Глава 6	10				1	2			1	6		
Глава 7	6		1					2	1	2		
Глава 8	3				1	2						
Глава 9	4				1		3					
Глава 10	6					1	4				1	
Глава 11	7			2	1		1	1		2		
Глава 12	17		2	3	1			3	3	3	2	
Глава 13	12			6					1	3	2	
Глава 14	7							1	3	2	1	
Глава 15	8			6		2						
Глава 16	3			2		1						
Глава 17	8							1	5	1	1	
Глава 18	7	1				1		1	3	1		
Глава 19	10	1						2	5	1	1	
Глава 20	9							5	2	2		
Глава 21	11	1	1					3	4	2		
Глава 22	13			1				1	4	7		
Глава 23	15			7	4	3		1				
Глава 24	16			2				2	5	7		
Глава 25	11			2			2	3		4		
Глава 26	8				1		1		4	1	1	
Глава 27	14		1					5	6			2
Глава 28	12		1					5	6			
Глава 29	5							1		2		2
Глава 30	1							1				
Глава 31	1							1				
Глава 32	16			4	3			2	3		2	2
Глава 33	10			8	1		1					

Таким образом, образовалось 5 групп глав.

1. **Главы, в которых преобладают Нарративы.** К данной группе относится 13 глав (выделены зеленым).

2. **Главы с преобладающим рассуждением**, всего 6 глав (выделены желтым).

3. **Смешанные главы,** в которых присутствуют почти все разновидности СЖГ, всего 11 глав (выделены серым) Данную группу возможно разделить более дробно:

a) смешанные главы, в которых преобладают нарративы, 5 глав;

b) смешанные главы, в которых преобладают рассуждения, 6 глав.

4. **Однородные главы**, главы с одной СЖГ (выделены синим).

5. **Глава 33** представляет собой связанный единой идеей и единым строением текст, состоящий только из рассуждений.

Данное разделение глав по наборам присутствующих в трактате СЖГ помогает нам установить относительную датировку его фрагментов.

Текст формировался на протяжении продолжительного времени. Главы, в которых преобладают нарративы, были составлены раньше глав с преобладающим рассуждением, поскольку в главах с использованием нарративов СЖГ дают только отсылки к единому содержанию, но еще не могут объединить всю главу единым содержанием. Одно и то же содержание объединяет различные СЖГ, «проникая» в них, когда в главах появляется рассуждение. Однородные главы стоят за шаг до появления монологического рассуждения, которое мы видим в главе 33, которая была составлена в Ханьскую эпоху.

Схематично относительную датировку фрагментов мы можем обозначить в виде следующей схемы:

Главы, состоящие из нарративов → Смешанные главы *(Смешанные главы, в которых преобладают нарративы → Смешанные главы, в которых преобладают рассуждения)* → Главы с преобладающим рассуждением

Таким образом, «Чжуан-цзы» представляет собой промежуточный этап формирования философского рассуждения, на котором авторы начинают использовать различные формы текста, пытаясь найти наиболее удобную форму для пере-

дачи содержания, но еще не могут изложить текст в форме однородного монологического рассуждения.

Начальным этапом, отраженным в данном памятнике, является формирование глав с преобладанием нарративов, в которых разрозненные мысли содержатся имплицитно в различных СЖГ. На следующем этапе, на котором происходит формирование смешанных глав, происходит размытие границ СЖГ, символы, идеи проникают сквозь границы диалогов, мысль является связующим звеном между нарративами, группами рассуждения, появляются однородные главы. Окончательным этапом, к которому относится «Чжуан-цзы», является «отмирание» некоторых СЖГ. Так, мы видим, что этот процесс находит отражение в появлении глав с преобладанием рассуждений, состоящих из их различных видов. Вектор данного видоизменения направлен на появление в дальнейшем текстов, целиком состоящих из единого монологического рассуждения. Данный этап будет отражен на последнем этапе данного исследования.

3. Сравнительный анализ с другими текстами

На следующем этапе исследования мы сравнили структуру анализируемого нами памятника со структурой памятников, которые были составлены до и после «Чжуан-цзы». Данный этап необходим для изучения того, к какой стадии формирования памятников древнекитайской философской мысли относятся фрагменты «Чжуан-цзы».

Для сравнения было выбрано несколько текстов: Чуньцю Цзочжуань, Ле-цзы, Баопу-цзы. Выбор данных памятников не случаен, каждый из памятников относится к особому этапу в формировании философской мысли в Китае. Это процесс проникновения мысли в различные простые группы, «размытие» границ между группами. В ходе данного процесса происходит формирование монологического однородного рассуждения, которое характерно для самых поздних текстов, из гетерогенных текстов, в которых присуствуют неоднородные текстовые вставки и преобладают нарративы, не связанные между собой единой мыслью.

Сравнение с более ранними текстами

В качестве более раннего текста, чем «Чжуан-цзы», был выбран Чуньцю Цзочжуань («Весны и осени» с комментарием Цзо»), исторический источник, в котором не только излагается история древнего Китая, в частности периода Чуньцю (771—453 года до н.э.), но также встречаются предания и мифы о легендарных правителях [14], что подтверждает тот факт, что «...текст *Цзочжуань* возник на стыке двух традиций: конфуцианской и историографической.» [13]. Данный факт очень важен для нашего исследования, поскольку на этом примере мы можем проследить, в каком виде легенды, притчи проникают в текст.

Структура Чуньцю Цзочжуань сложная, что обозначает, что части памятника появлялись в разные периоды времени, в частности, канонический памятник хроникального характера, Чуньцю, авторство которого приписывается Конфуцию, был совмещен с Цзочжуань, составление которого исследователи относят к Чуньцю (771—453 гг. до н.э.) и Чжаньго (453—221 гг. до н.э.) [13].

Разделение Цзочжуань на СЖГ было проведено Ульяновым М. Ю., далее мы изложим выводы, полученным исследователем во время анализа [13].

Текст распался на *Исторические тексты, Историко-литературные тексты (нарративы), Комментарии.* Каждая группа также была подразделена на подгруппы. Различные СЖГ относятся к различным источникам, из которых были взяты части текста для сведения их в единый памятник.

Особую важность представляет группа «Нарративы». Данная группа преобладает в Цзочжуани, самом раннем рассматриваемом нами памятнике. Нарратив встречается в дальнейшем в некоторых рассматриваемых нами памятниках более поздних этапов. В дальнейшем большое количество нарративов будет указывать нам на то, что этап, к которому мы можем отнести памятник, близок к времени создания Цзочжуани, чем меньше нарративов в памятниках, тем позднее они формировались.

Сравнение с параллельными или более поздними источниками (Ле-цзы, Баопу-цзы)

Далее нами был проведен анализ структурно-жанровых групп, присутствующих в текстах Ле-цзы, Баопу-цзы, было произведено сравнение их с СЖГ, которые характерны для «Чжуан-цзы», была выявлена хронологическая последовательность формирования философской мысли.

Ле-цзы — даосских трактат, авторство которого приписывается Ле Юй-коу, написание относится к IV веку до н.э.

Нами была проанализирована VIII глава «Ле-цзы» «О предвидении» (《說符》), мы разделили текст главы на структурно-жанровые группы.

В данном трактате преобладающей структурно-жанровой группой является Нарратив, причем нарратив с длинным вступлением, что говорит о том, что Ле-цзы относится к этапу, близкому к моменту составления Чуньцю Цзочжуани, поскольку виды нарративов в этих двух памятниках имеют сходную форму, однако в то же время в данной главе большое количество монологов. Монолог является последним переходным периодом перед превращением всего текста в часть рассуждения или в одну из его форм.

Таким образом, мы можем сказать, что создание «Ле-цзы» относится к более позднему этапу формирования философского текста, чем «Чжуан-цзы», однако данный этап еще далек до окончательного оформления единого философского рассуждения.

Баопу-цзы — это трактат, автором которого считается даосский философ Гэ Хун, написание памятника относится к 320 году н.э. [1].

Нами был проведен анализ структурно-жанровых групп I главы «Всепроникающее Сокровенное» (《暢玄》).

В результате анализа было выявлено, что глава связана единой мыслью, она состоит из рассуждения, изложенного в форме монолога. Содержание трактата окончательно поменяло свою форму, мысль ввела общее содержание в разобщенные отрывки текста, сначала «размыв» границы СЖГ, а затем обобщив весь текст в единое рассуждение.

Стоит обратить внимание, что на этом окончательном этапе формирования философского рассуждения, притчи, которые поясняли так называемые конфуцианские и даосские идеи, не исчезли бесследно, они были «вплавлены» в текст однородного рассуждения, продолжая служить подтверждением излагаемых автором идей. Однако на данном этапе не нужно расширенного описания притч, поскольку они уже были изложены в более ранних текстах, поэтому притча изложена так называемым «намеком», в обобщенной форме. Это является окончательным этапом процесса формирования даосского сегмента культуры внутри «общей» культуры.

В результате данного исследования мы пришли к выводу о том, что текст составлялся различными авторами. Разрозненная структура глав говорит нам о том факте, что текст составлялся на протяжении очень продолжительного промежутка времени. Более того, памятник составлялся в два этапа: в V-III вв. до н. э., в эпоху Чжаньго, существовали самостоятельно бытовавшие однородные по своей форме короткие тексты, которые в дальнейшем, на втором этапе, в эпохи Чжаньго, Цинь, Хань, были объединены в единый текст, который в данный момент мы видим перед собой.

Таким образом, с помощью анализа структурно-жанрового состава «Чжуан-цзы» и его сравнения с другими памятниками мы проследили развитие процесса, в котором «Чжуанцзы» является особой вехой: развитие жанра «философский трактат», превращение гетерогенного текста в однородное рассуждение;

Философский трактат при формировании прошел следующие стадии.

1. Этап «Чуньцю Цзочжуань». Уже в каноническом тексте хроникального характера существует структурно-жанровая группа «нарратив», что предопределяет тот факт, что данная форма рассуждения может быть в дальнейшем заимствована и усовершенствована древнекитайскими философами.

2. Этап «Чжуанц-цзы». Происходит заимствование и восприятие нарратива для дальнейшего его превращения в форму для рассуждения. На этом этапе появляются связи между несколькими нарративами с помощью связующей их единой

мысли. Именно в «Чжуан-цзы» уже становится заметным, что мысль начинает проникать сквозь пределы СЖГ, которые становится гораздо сложнее отделять друг от друга. Однако текст еще не обрел нужную структуру монологического рассуждения.

3. Этап «Ле-цзы». Несмотря на то что данный этап имеет не очень большие отличия от предыдущего, однако именно в этот период группа «монолог» начинает играть важную роль, что характеризует тенденцию к преобразованию текста в единое рассуждение.

4. Этап «Баопу-цзы». Текст объединен единой мыслью в монологические высказывания, которые представляют собой рассуждение.

Выводы

Создание памятника «Чжуан-цзы» предположительно относится к IV в. до н.э. Текст был написан позже Лунь-юя, поскольку преобладают «нарративные» главы, но поскольку при этом отсутствует монологическое гомогенное рассуждение, соответственно, памятник создавался до периода империи Хань, кроме относящейся к этой эпохе 33-й главы.

Анализ наборов СЖГ каждой главы позволил ввести относительную периодизацию глав «Чжуан-цзы», которая выражается в следующей схеме:

Главы, состоящие из нарративов → Смешанные главы *(Смешанные главы, в которых преобладают нарративы → Смешанные главы, в которых преобладают рассуждения)* → Главы с преобладающим рассуждением.

Данная схема показывает на примере одного памятника процесс генезиса монологического гомогенного рассуждения посредством ухода от полилогической (диалогической) речи. *Главы, состоящие преимущественно из нарративов*, были сформированы на самом раннем этапе, поскольку на этом этапе мысль имплицитно содержится в каждой СЖГ, но не выходит за ее пределы. Нарративы в этих главах не взаимосвязаны. *Смешанные главы* отражают следующий этап, на котором границы СЖГ имеют более размытую форму, идеи,

символы выходят за границы одной СЖГ, переходя в другие, тем самым объединяя до этого разобщенные отрывки. *Главы с преобладающим рассуждением* относятся к третьему этапу, который находится за шаг до формирования единого монологического рассуждения. В главах данного типа идейные связи между отрывками настолько плотные, что часто становится невозможным отделять СЖГ друг от друга.

Создание трактата «Чжуан-цзы» являет собой промежуточный этап в процессе формирования жанра «философский трактат».

Использованные источники и литература

Источники

На русском языке

1. Гэ Хун. Баопу-цзы. Перевод с китайского и комментарии Е. А. Торчинова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. — С. 15—25.
2. Малявин В. В. Чжуан-цзы. — М., 1994.
3. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. / Пер. с кит. и ком. Л. Д. Позднеевой. — СПб., 1994.

На европейских языках

4. Liou Kia-hway (tr.) L'oeuvre complete de Tchouang-tseu. — Paris, 1969.
5. Ziporyn B. Zhuangzi: The Essential Writings with Selections from Traditional Commentaries. — 2-nd ed. — Indianapolis: Edwarda Brothers, 2009.

На китайском языке

6. 莊子 — Zhuangzi [Электронный ресурс] / URL: http://ctext.org/zhuangzi (дата обращения 27.04.2018).
7. 列子 — Liezi [Электронный ресурс] / URL: https://ctext.org/liezi (дата обращения 27.04.2018).
8. 抱朴子 — Baopuzi [Электронный ресурс] / URL: https://ctext.org/baopuzi (дата обращения 27.04.2018).

Литература

На русском языке

9. Карапетьянц А. М. Формально-лингвистический анализ однородности текста «Чжуанцзы». — В кн.: Проблемы восточной филологии. — М., 1979.

10. Крюков В. М. Неумолимый червь познания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. — М.: Памятники исторической мысли, 2009. — С. 321—331.

11. Позднеева Л. Д. Ораторское искусство и философские школы. // Литература древнего Востока. — М., 1971.

12. Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае. — М., 1999.

13. Ульянов М. Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Вост. лит., 2011. — С. 43—59.

14. Ульянов М. Ю. Чуньцю Цзочжуань ««Вёсны и осени» с комментарием Цзо») как исторический источник // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 ноября 2011 г.). М., 2011, с. 81—83.

На европейских языках

15. Billeter J. F. Note sur l'tude du «Zhuangzi» en Chine // T'oung Pao. — Geneve: Brill, 2009. — pp. 196—198.

16. Eske Mllgaard Zhuangzi's Religious Ethics // Journal of the American Academy of Religion. — 2003. — Vol. 71, No. 2. — pp. 347—370.

17. Graham, A. C. How much of Chuang tzu did Chuang Tzu write? // Studies in Chinese Philosophy and Philosophical Literature. — New York: State University of New York Press, 1990. — C. pp. 283—321.

18. Liu X. Classifying the Zhuangzi Chapters. — Michigan: Center for Chinese Studies, 2003.

19. Roth R. The Textual History of the Huainanzi // Journal of the American Oriental Society. — Ann Arbor: Association for Asian Studies Monograph, 1992.

20. Roth, H. D. Who compiled the Chuang Tzu? // Chinese Texts and Philosophical contexts, ed. Henry Rosemont. — Illinois: Open Court Press, 1992. — C. 79—128.

На китайском языке

21. Чэн Иин. «Чжуан-цзы» цзиньчжу цзиньи («Чжуан-цзы» с современным комментарием и переводом). — Цюань саньцэ — Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 2009.

22. Фанъ Юн. «Чжуан-цзы» сюэши (История исследования «Чжуан-цзы»). — Цюань люцэ — Бэйцзин: Жэньминь чубань шэ, 2008.

23. Чжан Сунхуэй. «Чжуан-цзы» ии каобянь (Критическое исследование неясных мест «Чжуан-цзы»). — Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 2007.

Кузнецова Анна Кирилловна
3-й курс факультета Мировой политики
и мировой экономики, НИУ ВШЭ
E-mail: akuzn07@mail.ru

Пекинская опера через призму китайского кинематографа

Аннотация

В данной статье описана эволюция восприятия традиционного театра пекинской оперы в киноиндустрии Китая на протяжении всего XX и начала XXI веков.

Статья разделена на 6 частей: введение, описание четырех периодов в истории развития оперных форм в кинематографе Китая и заключение.

Ключевые слова: *Китай, пекинская опера, кинематограф, XX век.*

Введение

Театр играет особую роль в развитии кинематографа Китая. Уже тот факт, что первый фильм в Китае — это быстро сменяющиеся фотографии небольшой сценки известной пекинской оперы, говорит о том, что театральная и кинематографическая традиции с самого зачина последней «шли рука об руку».

Актуальность изучения трансформации театрального искусства (в нашем случае мы затрагиваем только пекинскую оперу) в кинематографе Китая подтверждается как редкостью подобных исследований в российской синологии, так и местом театра в пантеоне кино данного региона. Более того, рассмотрение интеграции пекинской оперы в китайский кинематограф важно для понимания не только отдельной сферы

искусства, но еще и самого общества и даже целой страны (следует уточнить, что в статье рассматривается кинематограф материкового Китая*).

Итак, **во-первых**, мы увидим, что театральный опыт оказался важным этапом в развитии нового вида искусства — кино. **Во-вторых**, политические перипетии и частые изменения в социуме, влиявшие на восприятие всей культуры в целом, сказались на изменениях в театральном мире и в какой-то мере именно через него затронули кинематограф, что может многое сказать об их роли в изменениях, произошедших с китайским обществом. **В-третьих**, мы также коснемся и развития кинематографа в XXI веке, увидим, что пекинская опера не теряет своей актуальности для китайских режиссеров и по сей день.

Процесс развития репрезентации пекинской оперы в китайском кинематографе можно разделить на 4 примерных исторических периода: 1) период «фильмов-опер» (1905—1949 гг.); 2) период «революционных постановок» (1949 — конец 1970 гг.); 3) период «переосмысления традиционных постановок» (1980—1990 гг.); 4) «оперные фильмы и биографии» (конец XX — начало XXI вв.).

Этап 1. Фильмы-оперы

Самый первый китайский фильм «Битва при горе Динцзюньшань» — «定军山» (динцзюньшань) 1905 года фотографа Жэнь Цзинфэна также является первым фильмом-оперой, снятым по пьесе из репертуара традиционного театра на экране[1].

В нашей работе мы будем использовать термин «фильмы-оперы» для обозначения первых постановок, заснятых на камеру. Термин заимствован из исследования «Между оперой и кинематографом»[2]: «peking opera films» или «chinese opera films». В работе китайского исследователя искусства Китая Чжао Дундуна «Особенности развития оперного фильма на основе сицзюй в китайском кино первой половины XX в.» такие постановки начала XX века также называются «оперными фильмами»[3].

Похожие на «Битву при горе Динцзюньшань» ленты получили популярность в первой половине XX века. Они также

---

* Кино Гонконга и Тайваня не затрагивается.

являлись записью спектаклей из репертуара пекинской оперы «Гора Цинши» — «青石山» (циньшишань), 1906 г.; «Убийство в часовне» — «斬經堂» (чжаньцзинтан), 1937 г.).

Данные ленты вовсе не те полнометражные или короткометражные фильмы, которые мы привыкли видеть в настоящее время. Скорее всего, мы бы назвали подобные картины просто «видео», похожие на те, которые люди и сейчас с лёгкостью могут снять при помощи своих мобильных устройств. Но для того времени важно было стремительное развитие технологий, а возможность записать что-то на камеру казалась практически чудом. Поэтому короткие видео отрывков спектаклей из репертуара традиционного театра, снятые при помощи статичной камеры, потом и при помощи подвижной, были так популярны вплоть до 40-х годов XX века. Длились они не более 20 минут[4].

Следует упомянуть, что в съемках были задействованы весьма популярные в то время артисты. Например, Мэй Ланьфан (1894—1961 гг.), известный исполнитель женских ролей амплуа «дань» — «旦» в китайском традиционном театре, сделал неоценимый вклад в развитие фильмов-постановок оперных спектаклей (например, знаменитый фильм с участием Мэй Ланьфана 1920 года «Небесная дева рассыпает цветы» — «天女散花» (тяньнюй саньхуа).

Кинематографические приемы со временем становятся все более и более современными и совершенными. В 1953 году на экраны выходит первый цветной китайский фильм и по совместительству первая цветная запись театральной постановки по мотивам известной в Китае легенды «Лян Шаньбо и Чжу Интай» — «梁山伯与祝英» (Лян Шаньбо юй Чжу Интай) режиссера Сань Ху.

«Фильмы-оперы» до 1949 года* были действительно простыми, даже однотипными, но все же прошли долгий путь от немого кино до звукового, от черно-белого и до цветного, стали вехой в развитии китайского кинематографа[5].

---

* Дата образования КНР — 1 октября 1949 г. Лидером страны становится Мао Цзэдун.

Этап 2. Революционные постановки

Следующий период приходится на время после прихода к власти КПК (Коммунистической Партии Китая) в 1949 году, когда начали создавать пьесы с революционным подтекстом. В 60-е годы XX века такой привычный населению репертуар пекинских опер был полностью запрещен. В данный нелегкий для населения период реформ и нового правительства, в театрах можно было наслаждаться лишь так называемыми «образцовыми» спектаклям*. Такое постановление было официально принято на X пленуме ЦК КПК 1962 года[6].

Ниже представлен список восьми образцовых спектаклей, которые и стали экранизировать впоследствии (такие важные экранизации, как: шацзябан «沙家浜», 1960 г.; «Красноармейка» «红色娘子军» (хунсэ нянцзыцзюнь), 1961 г.):

1) «Шацзябан» «沙家浜» (шацзябан);
2) «Красноармейки» «红色娘子军» (хунсэ нянцзыцзюнь);
3) «Легенда о красном фонаре» — «红灯记» (хунденцзи);
4) «Рейд подразделения Белого тигра» — «奇袭白虎团» (цисибайхутуань);
5) «Девушка с белыми волосами» — «白毛女» (баймаонюй);
6) «Ловкий захват Тигриной горы» — «智取威虎山» (чжицюйвэйхушань);
7) «Ода драконовой реке» — «龙江颂» (лунцзянсун);
8) «Порт» — «海 港» (хайган).

В данный период искусство должно было пропагандировать подвиги партийных работников и партии в целом. Революционные спектакли прекрасно справлялись с этой работой[7]. Мы не будем описывать все сюжеты, представленные в этот период, а лишь раскроем содержание некоторых постановок. Например, в спектакле «Красноармейки» показана история отряда, состоящего из женщин, сражающегося за освобождение острова Хайнань в 30-х годах XX века. В спектакле «Ловкий захват Тигриной горы» повествуется о «великом походе коммунистов»**.

---

* «Образцовые спектакли» — «样板戏» (янбаньси) — театральные спектакли периода «культурной революции» (1966—1976 гг.).

** «Великий поход коммунистов» — «长征» (чанчжэн) — переход коммунистов через труднодоступные районы в 1934—1936 гг. во время гражданской войны в Китае (1927—1950 гг.).

По мотивам пьес ставились спектакли и выпускались полноценные фильмы, обязательные для просмотра всем населением. Интересно, что сюжеты популярны и по сей день. Например, спектакль «Красноармейки» входит в репертуар Китайского Национального Балета[8].

Этап 3. Возвращение к традиционной культуре

Следующий период в эпохе кинематографа с интегрированием пекинской оперы охватывает 80-е и 90-е годы XX века, а также начало XXI века. В это время в стране снова сменяется руководство*, Китай начинает политику реформ и открытости**, а в китайском кинематографе происходит «ренессанс традиционной культуры».

Некоторые режиссеры, освободившись от обязанности подстраиваться под революционные требования руководства, начинают экспериментировать с интеграцией элементов традиционной культуры и, что важно для нас, пекинской оперы в свои ленты. В приведенных ниже фильмах театральные компоненты, характерные для пекинской оперы (такие как: маски, специфические звуки (музыка), костюмы, определенные персонажи и т.д.)[9], вписываются в ленты в качестве «фона».

Это такие фильмы, как: лента 1991 года Чжан Имоу «Зажги красный фонарь» — «大红灯笼高高挂» (дахунден лунгао гаогуа) и «Прощай, моя наложница» — «霸王别姬» (баван бецзи) 1993 года режиссера Чэнь Кайгэ.

Для примера опишем подобную интеграцию в фильме «Прощай, моя наложница», в котором опера является своеобразным фоном для процессов, происходивших в истории Китая в XX веке. Отношение к традиционному театру менялось с течением времени, что и показано в фильме. Сюжет по-

---

* В 1980 году Дэн Сяопин официально становится новым главой государства.

** «Политика реформ и открытости» («改革开放» — «гайгэкайфан») — программа реформ с 1978 года, направленных на расширение внешних контактов, построения государства с собственной специфической системой управления.

строен на истории двух мальчиков, по стечению обстоятельств, воспитывавшихся при школе для артистов пекинской оперы с самого детства. Весь фильм персонажи не выходят из своих ролей: мир театра для них сосуществует с миром реальным. Один из друзей предстает в образе женских персонажей амплуа «дань» практически постоянно, а второй не выходит из амплуа мужчины с раскрашенным лицом — «цзин» (рис. 1—3).

Рис. 1. Фильм «Прощай, моя наложница». Кадр

Источник: Кинофильм «Прощай, моя наложница» — «霸王别姬» («Баван Бецзи»). URL: https://hdlava.me/films/proschay-moya-nalozhnica.html (дата обращения: 04.11.2018)

Рис. 2. Маска «цзин» 净

Источник: Иляхин Ю. М. Пекинская опера. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока. — М.: Восточная литература, 2006. — Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. — 2010. — 1031 с. С. 771—775. [Электронный ресурс] // Синология. URL: http://www.synologia.ru/a/Пекинская_опера (дата обращения: 04.11.2018).

Рисунок 3. Амплуа «дань» 旦

Источник: Иляхин Ю. М. Пекинская опера. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока. — М.: Восточная литература, 2006. — Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. — 2010. — 1031 с. С. 771—775. [Электронный ресурс] // Синология. URL: http://www.synologia.ru/a/Пекинская_опера (дата обращения: 04.11.2018).

Этап 4. Оперные фильмы и биографии

Фильмы-биографии сами по себе являются отдельным жанром. Но когда речь заходит о том, чтобы снять картину об артисте, например, то байопик часто превращается в «музыкальный байопик». Яркий пример тому — фильм Чэнь Кайгэ «Мэй Ланьфан» — «梅兰芳» (мэйланьфан) 2008 года о звезде пекинской оперы XX века. Зрителю предоставляется уникальная возможность посмотреть исполнение многих известных арий, исполненных когда-то Мэй Ланьфаном, современными актерами. Более того, в фильме показана биография двух сосуществующих персонажей: самого исполнителя пекинской оперы и его профессии. Пекинская опера в данном фильме становится неотъемлемой частью жизни главного персонажа. Это помогает понять, насколько театральная традиция важна для режиссера, ведь он хочет продемонстрировать не только сухие исторические факты, но и человека внутри системы строгих правил театрального искусства.

В данный период важным изменением также можно назвать правительственный проект производства «оперных фильмов». Проект был принят в 2011 году, и к 2017 году было представлено 10 картин по мотивам знаменитых в Китае опер.

Фильмы были представлены на Пекинском Международном Кинофестивале, и более того, для них была создана специальная новая номинации «Классические оперные фильмы». Телеспектакли являются все теми же, заснятыми на пленку, спектаклями, но уже более сложными и технологически оснащенными.

Заключение

Таким образом, кинематограф Китая тесно связан с традиционным китайским театром: с пекинской драмой. Китайские режиссеры заимствовали сюжеты, персонажей, костюмы, музыку по разным причинам. С самого появления кинематографа пекинская опера была эффектным действом для демонстрации нового изобретения и его возможностей, позже опера становится частью телевизионной пропаганды подвигов партии Китая. А с 80-х годов национальный театр существует в кино как интересное дополнение, оформление, порой как целая сюжетная линия, а порой в виде биографии известного исполнителя.

Рассмотрев разные способы интегрирования пекинской оперы в кинематограф Китая на протяжении XX—XXI вв., нам ещё и выдалась возможность проследить развитие самой театральной традиции пекинской оперы. Выделенные этапы демонстрируют изменение восприятия данного вида традиционного искусства со стороны как общества, так и государства.

Нам также кажется, что такое трепетное отношение китайских кинематографистов к своей культуре указывает на их особое стремление сохранять и распространять традиции своей страны. Популяризация пекинской оперы через кинематограф происходит не только в рамках населения Китая, но и в глобальном масштабе.

---

[1] Чэн, Цзихуа и др. Чжунго дяньин фачжаньши (История развития китайского кино). Пекин: Чжунго дянин чубаньшэ, 1963. Т. 1. С. 13 — 15.

[2] Jeongwon, J. and Theresa R.: Between Opera and Cinema (Critical and Cultural Musicology). 2015. P. 177.

[3] Чжао Дундун. Особенности развития оперного фильма на основе сицюй в китайском кино первой половины XX в. // Аутентичный фольклор: проблемы сохранения, изучения, восприятия (Памяти антрополога Зинаиды Можейко): Сборник научных трудов [участников X Международной научной конференции, Минск, 29 апреля — 1 мая 2016 года] // Белорусский государственный университет культуры и искусств. Минск, 2016. С. 145.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 146.

[6] Торопцев С. А. Очерк истории китайского кино. – М.: Наука, 1979. – С. 173.

[7] Торопцев С. А Трудные годы китайского кино. М.: Искусство, 1975. – С. 105.

[8] Список репертуара «Китайского Национального балета» на официальном сайте: http://www.ballet.org.cn/news_detailn/newsId=1717.html (дата обращения: 01.11.1018).

[9] Иляхин Ю.М. Цзинцзюй // Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / Под ред. М. Л. Титаренко. Т. 6; доп.: Искусство. М.: Восточная литература, 2010. С. 773.

Бутурлин Илья Сергеевич
3-й курс Школы востоковедения,
Факультет мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ
E-mail: isbuturlin@edu.hse.ru

Вопросы классификации частей речи арабского языка в 1-й и 2-й главах грамматического трактата Сибавайхи *Аль-Китаб* («Книга»)

Аннотация

Классификация частей речи арабского языка, изложенная в трактате Сибавайхи «Книга», и сегодня является предметом исследования в трудах арабских лингвистов. Тем интереснее сравнить ее с подходами западных лингвистов, которые выделяют в арабском языке части речи, исходя из принципов, применяемых к европейским языкам.

Ключевые слова: *арабский язык, Сибавайхи, лингвистическая традиция, части речи.*

Введение

Начальный этап развития науки о языке характеризуется становлением индийской, античной (европейской), китайской, арабской и японской лингвистических традиций. В период их зарождения не существовало единой науки о языке, в связи с чем изучение языков происходило изолированно в рамках отдельных цивилизаций, причем в большинстве случаев такое изучение было обусловлено решением тех или иных практических задач и не отделялось от них.

Основоположником арабской грамматической традиции принято считать Абу Бишра Амра бин Усмана бин Канбара (ок. 765—796 гг.) — перса по происхождению, «имама арабских

грамматистов», более известного как Сибавайхи, филологическая деятельность которого и оставленное научное наследие не вызывают никаких сомнений. Его грамматический трактат «*Аль-Кита*б» («Книга»)[1] является первым дошедшим до нас трудом, содержащим завершенное описание грамматической системы арабского языка.

Мы рассматриваем принципы классификации частей речи в арабском языке, поскольку именно деление всех слов языка на большие классы, противопоставленные друг другу по своему значению, отражает типологические характеристики данного языка, то есть все его основные имманентные свойства, отличающие его от других языков. С позиции типологической классификации языков арабский и европейские языки относятся к разным языковым семьям, следовательно, можно предположить, что грамматические системы этих языков, хотя и отражают общечеловеческие категории мышления, используют различные наборы языковых средств, специфичных для каждой языковой семьи. Известны два подхода к вопросу классификации частей речи в арабском языке: с точки зрения европейской лингвистики, в рамках которой к описанию грамматической структуры арабского языка применяются принципы описания грамматических структур европейских языков, и с позиций арабской лингвистической традиции, которая описывает функциональные единицы арабского языка и связи между ними, исходя из природы самого языка.

Предлагаем рассмотреть два примера подхода европейских лингвистов к классификации слов арабского языка с точки зрения их деления на части речи: и в том, и в другом случае очевидно проецирование принципов, применяемых к выделению частей речи в европейских языках, на арабский язык. Так, А. А. Ковалев и Г. Ш. Шарбатов в своем совместном труде «Учебник арабского языка» подразделяют все арабские слова на три отдельные группы (части речи): имя, глагол, частица[2]. В свою очередь, эти группы делятся на следующие подгруппы: в рамках класса имен выделяют существительные, прилагательные, числительные, местоимения; класс глаголов подразделяется на личные формы глаголов, причастия, отглагольные имена (*масдары*); группа частиц разделяется на

предлоги, союзы, частицы, междометия[3]. Таким образом, авторы данного учебника предполагают, что арабский язык по составу частей речи существенно не отличается от русского языка. Схожего подхода придерживается и Б. М. Гранде в своей классификации частей речи, а именно — он выделяет три больших разряда слов (глагол, имя и служебные частицы), после чего производит подразделение уже внутри этих разрядов[4]. Другим примером является еще одна широко известная современная грамматика арабского языка W. Fischer'a, в которой выделяются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, местоимения и частицы[5].

Разделение лексики языка на основные классы слов (части речи) отражает специфику данной языковой системы, а также взгляд ученых на язык, который является для них родным или в регионе распространения которого они проживают длительное время (как в случае Сибавайхи). Следовательно, в языках различных типов в основе этого деления должны быть различные принципы.

Каждый язык представляет собой средоточие культурного кода нации, говорящей на этом языке. Вопросы языка всегда являлись значимыми для арабского общества в силу следующих факторов: 1) сакральный статус арабского языка (язык Священного писания мусульман); 2) особая роль арабского языка в становлении ислама и исламской арабоязычной традиции; 3) длительное сохранение единства языка в эпоху расширения территорий халифата. Этим объясняется то обстоятельство, что литературный арабский язык за последние полторы тысячи лет не претерпел практически никаких изменений, что и позволяет современным исследователям читать арабские источники, написанные в VIII в., не прибегая к изучению мертвых языков.

Вопросы деления слов на части речи, описание их морфологических характеристик являются центральными в трудах классических арабских грамматистов. Взгляды арабских грамматистов на принципы деления словарного состава арабского языка на части речи в значительной степени отличаются от европейского подхода. Поскольку «краеугольным камнем»

арабской лингвистической традиции является трактат Сибавайхи, представляется важным проанализировать его взгляды на классификацию частей речи, сформулированные в первой и второй главах. В своем исследовании мы выбрали именно этот грамматический трактат в силу его значимости для становления теории арабского языка в национальной лингвистической традиции. Имеется ряд других трактатов, написанных в период с VIII по XIII в. и развивающих идеи, изложенные в труде Сибавайхи, или полемизирующих с ним, однако представляется важным обратиться именно к первоисточнику.

Уникальность данного трактата состоит в том, что он представляет собой фундаментальную, логически завершенную, не требующую сопоставления с более поздними трудами грамматику арабского языка (так как в этом трактате арабская грамматическая система предстает уже в завершенном виде, практически в том, который мы наблюдаем сегодня). Сибавайхи при написании «Книги» занимался изучением строения речи арабского языка[6]. Он задает «правила сочетания или соположения языковых единиц (слов) при построении речи говорящим и формоизменении слов в процессе этого соположения» в противовес иному подходу постановки задач исследования — «выделения синтаксических конструкций разной степени сложности и описания их формальных свойств»[7].

До сих пор не существует полноценного перевода труда Сибавайхи на русский язык: имеются лишь перевод и комментарии отдельных частей «Книги» в трудах таких отечественных лингвоарабистов, как В. Ф. Гиргас, В. В. Лебедев, Д. В. Фролов.

Наше исследование рассматривает содержание первых двух глав «Книги», поскольку в них сформулированы основные принципы описания единиц арабского языка морфологического уровня. Так, суть первой главы «Книги» вынесена в ее название: «Что представляет собой слово в арабском языке».

Описание источника

В качестве источника нашего исследования мы использовали наиболее полное издание «Книги» (1988 г.), составителем которого является Абд ас-Салям Мухаммад Харун. В основу

издания, как указывает составитель, положены следующие рукописи: рукописи «*Дар аль-Кутуб аль-Мысрийя*» № 65, № 141, № 140, № 139[8]. Рукопись № 65 содержит изложение текста ар-Рабахи, услышанного им от Абу аль-Касима бин Валлада, который тот услышал от своего отца, а тот — от аль-Мубаррада; также ар-Рабахи слушал Ибн ан-Нуххаса, а тот — аз-Заджжаджа, а тот — аль-Мубаррада; аль-Мубаррад рассказывал текст «Книги» так, как он услышал его от аль-Мазини, а тот от аль-Ахфаша, а тот — от Сибавайхи[9]. Дата и автор рукописи неизвестны; Абд ас-Салям в отношении примерно двух третей текста этой рукописи употребляет термин «подлинная». Рукопись № 141 рассматривается как более достоверная, чем предыдущая; автор при составлении своего издания рассматривал ее как основную. Рукопись № 140 записана, как и две предыдущих, на основе изложения ар-Рабахи. Первая часть рукописи № 139 записана со слов Абу Ахмада Исхака бин Мухаммада, по рассказу Абу Джафара ат-Табари Ахмада ибн Рустама, который передал рассказ Абу Усмана аль-Мазани; вторая же часть написана очень старым почерком, автор рукописи неизвестен. Как отмечает Абд ас-Салям, рукопись очень сложна для использования, он относит ее к числу вспомогательных[10]. Кроме того, в издании приводятся комментарии к «Книге», выполненные Мухаммадом бин Ахмадом ас-Сирафи, Абу аль-Хасаном Али бин Исса ар-Рамани, часть комментария ас-Сафара (Касима бин Али бин Мухаммада Батлуюси). Особое внимание уделено изданию Деренбурга, в основе которого, по мнению Абд ас-Саляма, лежит копия, наиболее близкая к оригинальной «Книге» Сибавайхи[11].

Таким образом, отличительными чертами выбранного нами издания являются: использование рукописей и комментариев, которые не были доступны авторам предыдущих изданий; точность передачи текста и исправление ошибок, допущенных в предыдущих изданиях, создание нумерации, отсутствовавшей во всех предыдущих изданиях; редакция примеров из Священного Корана, поэзии, *раджазов* (стихотворный размер), некоторых изречений, а также создание каталогов, помещенных в отдельный 5-й том; дано объяс-

нение неясных мест «Книги» и авторского стиля изложения, который непривычен современному читателю, а также зафиксированы некоторые расхождения между старыми и современными толкованиями; наличие оглавления, соответствующего современной научной практике; отдельное приведение в сносках комментариев и разъяснений.

Первая глава «Книги»: «Что представляет собой слово в арабском языке»

В первой главе «Книги» Сибавайхи рассуждает о том, что представляет собой слово в арабском языке (ознакомиться с переводом данной главы, выполненным в рамках научно-исследовательского проекта «Арабская языковедческая традиция: становление теории арабского языка в средневековых грамматических школах Арабского Востока»[12], можно на портале «Восточный манускрипт»[13]). Согласно тексту настоящего грамматического трактата слова в арабском языке делятся на имена, глаголы и частицы. Этот постулат Сибавайхи указывает на то, как устроен арабский язык с позиции говорящих на нем: в рамках арабской грамматической традиции класс имен объединяет существительные, прилагательные, числительные, причастия, то есть все неслужебные слова, за исключением глаголов. Все эти слова функционируют по единым правилам, в связи с чем Сибавайхи определяет их именно термином «имена»: это подтверждается приводимым примером слов, относящихся к классу имен: *раджулун, (ва) фарасун* [(*ва)хаитун*]. К этой же категории относятся слова, обозначающие события (*аль-ахдас*): *ад-дарб, (ва)ль-хамд, (ва) ль-катль*, то есть *масдары* (слова, сочетающие в себе свойства как имен, так и глаголов, — аналог отглагольных существительных в русском языке) — термин, принятый в современной лингвистике (термин «масдар» был введен в оборот позднее написания Сибавайхи своего трактата).

Что касается глаголов, то это — слова, передающие действия субъектов, обозначаемых именами. Если глагол обозначает действие в прошлом, то он относится к разряду неизменяемых слов («построенных для того, что произошло» — *буният лима мада*). Примеры глагола прошедшего: *захаба, самиа, макуса.*

Что касается глагола подобного, то он используется в случае описания того, что будет (*лима якуну*), что не произошло (*лам яка‘*), а также для описания того, что непрерывно ((*ва) ма хува каинун лам янкаты‘*).

В отношении неизменяемой формы глагола Сибавайхи также приводит высказывания, побуждающие к действию, которые еще не произошли, — слова категории *аль-амр* (повелительное наклонение): *изхаб, (ва)ктул, (ва)дриб* и сообщающие высказывания (глагол подобный): [*яктулу (ва)*] *язхабу (ва)ядрибу* (*ва)юкталу, (ва)юдрибу.*

Что касается третьего класса слов — частиц, то это слова, которые имеют значение, но не являются ни именами, ни глаголами: *сумма*, (*ва)сауфа*; разделительный *Вав* (*Вав аль-кысм*), а также добавочный *Лам* (*Лам аль-идафа*) и другие подобные им.

На материале этой главы интерес представляет рассмотрение вопроса о влиянии греческой лингвистической традиции на классификацию Сибавайхи. Доминирующая точка зрения ученых сейчас состоит в том, что непосредственно греческая грамматика не могла оказать влияние на формирование арабской филологии, так как даже наиболее образованные арабы не были знакомы с греческим языком, а сведения о том, что существовал перевод на арабский язык греческой грамматики, отсутствуют[14]. Однако исследователи отмечают, что взгляды греков на классификацию слов языка могли стать доступны арабам вместе с аристотелевской логикой в сирийско-пехлевийской передаче. Некоторые исследователи (В. Ф. Гиргас) полагают, что именно взгляды греков оказали влияние на классификацию Сибавайхи[15]; другие же считают, что разделение арабскими грамматистами словарного состава языка на три больших класса слов, аналогичных древнегреческой классификации, является не заимствованием идей, а следствием универсализма такого подхода, в основе которого — универсализм категорий мышления.

Вторая глава «Книги»: «О смыслах окончаний слов в арабском языке»

Во второй главе о смысле окончаний слов в арабском языке (*И‘раб*) приводятся следующие варианты окончаний слов:

насб, джарр, раф‘, джазм, фатх, дамм, каср и *вакф.* Все они сводятся к четырем вариантам произношения: одинаково произносятся насб и фатх, джарр и кяср, раф‘ и дамм, джазм и вакф. Эти термины вводятся для того, чтобы различать те случаи, когда окончание слова является результатом воздействия фактора, и те случаи, когда окончание (огласовка) последнего *харфа* неизменяемо и не подвержено влиянию какого-либо фактора.

Здесь же Сибавайхи вводит определение *харфа словоизменения* — это определенный вариант произношения конечной позиции слова. Такие харфы присущи именам полной парадигмы, а также глаголам, подобным именам деятелей, в начале которых имеются добавленные харфы, то есть глаголам, подобным (именам), содержащим в себе форму личного местоимения. Интересным является описание глагола, передающего значения действия в настоящем или будущем, как глагола, подобного имени: глагол, подобный имени (в отличие от глагола прошедшего), так же, как и имя, имеет три формы словоизменения, две из которых аналогичны формам изменения имени, третьи же формы словоизменения имени и глагола — различны. Такой подход принципиально отличается от описания классов слов в арабском языке, применяемого в европейской традиции. Категории раф‘, насб, джарр и джазм являются характеристиками харфов словоизменения, при этом к именам применимы только раф‘, насб и джарр, а к глаголам подобным применимы раф‘, насб и джазм. Слово в форме джарр употребляется в позиции «*мудаф илейхи*» («то, к чему добавлено»: а добавленным может быть либо харф джарр (предлог), либо мудаф (слово в позиции 1-го члена *идафы*)) и замещает танвин, в то время как форма джазм употребляется только в отношении глаголов подобных.

Заключение

Таким образом, мы можем констатировать то обстоятельство, что подход к классификации частей речи в арабском языке, следующий арабской грамматической традиции, существенно отличается от европейского подхода и не пред-

полагает наличия тех категорий, рамки которых пытаются применить к арабскому языку представители европейской языковедческой школы. Европейский подход, преследуя задачу более быстрого и привычного объяснения грамматики на начальном этапе изучения арабского языка, нашел широкое распространение в учебниках по арабской грамматике европейских, в том числе российских, авторов; происходит искусственное наращивание разнообразия грамматических форм и категорий, а именно: вместо трех больших классов слов, выделяемых Сибавайхи, выделяется много дробных классов и разрядов.

Для более полного исследования языковых механизмов, понимания (в противовес автоматическому использованию) языка нам необходимо обратиться к самым первым — и самым полным — попыткам объяснить такие механизмы. Трактат Сибавайхи имеет в этом отношении неоценимое значение: не имея четкого терминологического аппарата и располагая лишь теми отголосками греческой и индийской (в части описания звуков) лингвистических традиций, которые дошли в переводах (не специальных, не грамматических трудов), Сибавайхи выстраивает объяснение явлений грамматики арабского языка и создает терминологию не на основе заимствования чужой традиции, не на инокультурных домыслах и не на чужом для арабов понимании, а на уровне, фактически, интуиции, позволившей в наиболее понятном виде изложить те категории, в которых арабы представляют себе мир. Именно этот уникальный подход Сибавайхи к описанию языковых явлений, развиваемый арабскими грамматистами на протяжении веков, определил место арабской грамматической традиции как автохтонной национальной традиции в истории мировой лингвистики.

---

[1] عبد السلام محمد هارون. الكتاب، كتاب سيبويه. – القاهرة: مكتبة الخانجي، ١٩٨٨. (Абд ас-Салям М.Х. Аль-Китаб, китаб Сибавайхи. — Каир: Мактабат аль-Ханиджи, 1988.).

[2] Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 52.

[3] Там же.

[4] Гранде Б.В. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература РАН, 2001. С. 16-20.

[5] Fischer W. A Grammar of Classical Arabic / Wolfdietrich Fischer; translated from German by Jonathan Rodgers. — 3rd rev. ed. — New Haven & London: Yale University Press. 2002. P. vi—vii.

[6] Фролов Д.В. Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. — М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 20.

[7] Там же.

[9] Абд ас-Салям М.Х. Указ соч. С. 57—58.

[10] Там же. С. 57.

[11] Там же. С. 58.

[12] Там же. С. 60.

[13] Проект «Арабская языковедческая традиция: становление теории арабского языка в средневековых грамматических школах Арабского Востока» // Ярмарка проектов НИУ ВШЭ. URL: https://pf.hse.ru/207028609.html (дата обращения 28.05.2018).

[14] Восточный текст и культурный контекст // Портал восточный манускрипт. URL: http://www.orientalmanuscript.com (дата обращения 26.05.2018).

[15] Рыбалкин В.С. Классическое арабское языкознание. — К.: Стилос, 2003. С. 84.

[16] Гиргас В. Очерк грамматической системы арабов. – СПб., 1873. С. 137.